
ТРЕТЬЯ СТОЛИЦА

АЛЬМАНАХ

Нижний Новгород
2018

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**Если высеребривать Рэнэ Герра**

Сказать о книге, что она замечательная, значит, ничего не сказать, ибо книга — это труд, который равен по силе прокладыванию туннеля. Надо убрать камни, расчистить дорогу. Вырубить проход и самое главное — сделать освещение! Чтобы было тепло и уютно, чтобы хотелось читать. Перечитывать. Делать пометки на полях. И главное — этот труд является некой сборкой под одной крышей значимых имён русской литературы. Это свет настолько яркий и пронзительный, чтобы такие планеты русской культуры, как Екатерина Таубер, Борис Зайцев, Гайто Газданов, Борис Закович, Иван Бунин — входящих в магнитное поле Рэнэ Герра, оставались на орбите как самостоятельные планеты, в коих был влюблён «русский француз». Благодаря которому многие имена были обогреты и возвращены в огромную кентавровую часть русского мира. Ведь не секрет, что люди, уехавшие из России увезли с собой много чего — душу, тело, талант. И у многих за границей этот талант расцвёл. Заиграл новыми красками. Преобразился, оперился. И русской литературе негоже было потерять своё богатство. Лола Звонарёва — автор «Серебряного века Рэнэ Герра» добавила некую нотку сосредоточенности и усугубила истину так полюбившуюся Рэнэ. Она внесла музыку. Она сама стала музыкой серебряных нитей, связывающих в единый смысл деяния француза. Ибо не бывает литературы отдельной не зависимой от других авторов. Закон самосохранения связывает творения отдельного писателя общей тканью всего написанного на русском языке, где бы в какой стране не находился бы писатель, в солнечной Франции, на Адриатике, в Харбине. И вся жизнь Рэнэ ушла на то, чтобы обладая несметным сокровищем — книгами русскоязычных писателей, деятелей искусства — показать обществу, что на самом деле такое — эта загадочная, эта всеобъемлющая и эта великая русская суть. Сокровища Рэнэ сияли бриллиантовым огнём. Он не скупился. Он выдал на гора то, что хотел дать. Лола Уткировна это досконально прочувствовала и мелодично, словно нанизывая бусинку за бусинкой, вплела в ткань своё мироощущение, вложила свои мысли и выверила текст в документально-художественное цельное повествование. Эта книга — о коллекции Рэнэ Герра, а коллекция его настолько объёмна, ибо включила в себя не только книги русских эмигрантов, но и книги с их автографами, а их немного-немало как 10 000! Это только с автографами Бунина, Мережковского, Гиппиус, Бенуа, Сомова, Чехонина, Анненкова, Стеллецкого, Гончаровой, Григорьева, Шмелева, Зайцева, Ремникова, Анненкова, Шаховской, Берберовой, Кузнецовой, рисунки и живопись Добужинского, Бушена и иных творцов. А ещё рукописи! То есть всего сорок тысяч штук и ещё картины, плотна. Но задачей Лолы Звонарёвой

не являлась мысль о перечислении имён, а в том, чтобы показать насколько величаво богатство обладателя сей коллекции. А коллекция-то, тем не менее, находится во Франции, а не в России. Это всё равно, что отдать бесценное золото в частные руки и хранить за кордоном то, что принадлежит исконно и навеки Руси! Сам собиратель бесценного, влюблённый в него и в Россию — Рэнэ был поражён тем равнодушием французского общества и прямо-таки вопиющим не желанием восторгаться собранным материалом. Так описывает состояние Рэнэ Лола Уткировна, так она его видит и доносит это нам! Это видится в тексте, это слышится в музыке текста, это тонко и ненавязчиво звучит междустрочно, построчно, по-фразно и побуквенно. Слово «серебряный век» осеребряет каждую страничку текста книги. Это то, отчего пальцы в серебре становятся, когда листаешь страницы бесценного. Книга Л. Звонарёвой — это смелый призыв к русским людям — чтобы понять самой и дать возможность понять другим о бесценности нашего наследия. Именно нашего, русского, духовного, который рассыпан бисером в пусть и не враждебной, но такой равнодушно-холодной Парижской стране, холодной Европе. Кроме этого, не надо забывать, что эмиграция, как первой, так и второй и последующих волн — это не выброшенный на чуждый остров неотмирный отросток, а это часть целого. Я много наблюдаю за эмигрантами нашего времени, ведь не секрет, что происходит и сейчас утечка мозгов, утечка талантов, искусства, утечка носителей этой пронзительной, этой шемящей культуры нашего народа. Уникальная культура и литература! Утечка происходит по разным причинам — обывательско-мещанской за длинным рублём, это раз. Второе — по несогласию со взглядами настоящего общества, с режимом, как ни крути, но и это тоже есть. Может не с самим режимом, а с его равнодушием к талантливому человеку, к гениальному писателю, поэту. Ибо наша литература поставлена на рельсы коммерциализации. Выгодно издателям публиковать ту или иную литературу, либо нет. Ибо понятно, что интерес к книжному варианту, не высок в России. Скорее всего, читают интернетные версии, забывая, что у виртуальных книг имеется прямая зависимость от носителя интернета, то есть ноутбука, айфона и т. д. Но электронный носитель зависит в свою очередь от электрической сети. Например, завтра выключится вся электросеть, как это случается при авариях, то, что мы будем читать, как не бумажную версию, уютно расположившись на диване при дневном освещении.

В море ширпотреба, в океане бульварщины надо уметь распознавать истинное и настоящее. Это и есть красная нить книги Л. Звонарёвой, ибо книга — это сопротивление надвигающейся катастрофе прощания с бумагой. Это шелест страниц, это связь «рука-сердце-карандаш», это генетическая связь, в конце концов, переданная нам нашими предками. Конечно, можно долго плакать, призывая людей к чтению, можно ходить по школам и агитировать школьников читать, можно безвылазно нахо-

диться в библиотеках, проводя там авторские вечера, рассказывая о том, какой ты хороший писатель. А можно сесть за стол и совершить подвиг, написав книгу о коллекции Рэнэ Герра. Забыла сказать, что книга вышла в "Издательстве "Росток"", 2012. Очень чуткий человек — Лола Уткировна, ибо книга её это и справочник и одновременно увлекательное чтение. Хотя я не люблю само слово «увлекательное» ибо оно включает в себя некий элемент приключений, скорее всего, и правильное слово — завлекательное, то есть притягивающее и уводящее за собой. Лола Уткировна, выстраивая текст, его ткань располагает так, чтобы было уютно и по-домашнему тепло. Хотелось бы, конечно, поподробнее рассказать о каждой главе книги, например, о Зайцевской, о Шмелёвской. Именно в них, то самое природное звучание, именно в них переливы и божики отметины. Но есть иные более чёткие и звучные. Размеренные и одухотворённые. По воле автора сам Рэнэ, не замечая этого, предстал, как рыцарь, обладающий богатствами, но раскрывший свои сундуки перед публикой, которая увидев слитки золота, не ахнула, не восхитилась, не восторглась, не воскричала, падая ниц, а лишь лениво отмахнулась, равнодушно отвела взгляд.

Хотелось бы, чтоб наше литературное сообщество, которое на самом деле разрозненно и увы, подвергнуто недопониманию со стороны департаментов культуры, самих деятелей её, всё-таки собралось во единое, в кулак соединило бы все свои пальцы, и чтобы издательства, хотя бы одно стало бы не коммерческим, а государственным. И чтобы в каждом городе, селе были бы не просто комиссии по гос. поддержке авторов, ибо в эти комиссии входят люди мало имеющие связь с лит. кругами, а вернулись бы на место издательства те, которые были проданы-расхищены-ликвидированы во времена лихих девяностых, как пристанище книгопечатания. Например, отчего бы не вернуть Волго-Вятское издательство? Или Средне-Уральское на место?

Справка: Книга доктора исторических наук Л. У. Звонаревой посвящена самому большому в мире частному собранию рукописей, писем, книг и картин писателей и художников Русского Зарубежья, принадлежащему известному французскому слависту профессору Рэнэ Герра. В коллекции около 5 тысяч картин, 40 тысяч книг, из них более 10 тысяч с автографами.

СВЕТЛАНА ЛЕОНТЬЕВА

НАТАЛЬЯ ЧИСТЯКОВА

(Москва)

ДАР

Живу, унаследовав небо,
Всё то, что узнаю — увижу.
Всё то, во что верую смело,
Я к сердцу слепому приближу.

Живу, унаследовав Землю,
Дороги её столбовые.
Легко уподобилась стеблю —
Вросла в чернозёмы живые.

Надолго дары или на день,
И чем расплачусь за них — нечем!
Мой путь, как развёрстаный складень,
И сладок, и горек, и — вечен.

ВОСПОМИНАНИЕ

А над Вологдой вечером синим
Переборы гармошки слышны.
Словно тёплые, свежие ливни
Принесли нам дыханье весны.

И душа очищается песней,
И родные просторы видны,
Если рядышком ты, даже если
Далеко от моей стороны.

Вспоминается праздник застольный:
Вздых гармошки в избе дотемна,
Где до пота трудилась, до соли,
И до боли рыдала она.

До чего же ты, память, упряма,
Что я вновь подчиняюсь тебе.
И лебёдушкой плавает мама
Под гармошку отца по избе.

ВЕТЕР ЛЕТНИЙ

Ветер летний влетел, ветер летний,
Я — узоры из кружев плела.
Ветер летний, к чему твои бредни? —
Я сама отложила дела.

Было ль сердце — я раньше не знала,
Да и надо ли было мне знать?
Так чего же ему не хватало?
Вслед за ветром решило летать.

А летать, сами знаете — трата,
Льнёт дымок от чужого костра.
И день судный пугает расплатой,
И, быть может, пугает не зря.

От того ли, что ветер был южный,
От того ли, что ночь не спала,
Я зачем-то в узор бело-вьюжный
Нить живую от сердца вплела.

ГОРОДОК ВОЕННЫЙ

Городок военный — целая планета:
Здесь свои законы и свои секреты.

Городок военный не найдёшь на карте,
Жизнь в нём откровенней и влюблённей в марте.

Всем про всё известно, хуже или лучше:
Кто и чья невеста, кто кому наскучил.

Городок военный — всюду: «Здрасьте, здрастьте», —
Здесь сильней киношных разгорались страсти.

Без родных — ох, лихо! Но подруги близко.
Каждая портниха, каждая модистка.

Городок военный, хоть сердись, хоть пой —
Два забора справа, два забора слева — не для нас с тобой!

АЛЕКСАНДР СИЗОВ

**ВЕРСИЯ НОСТРАДАМУСА,
ИЛИ
УБИЙСТВО В СЕЗОН МУТАЦИЙ.**

Роман.
(Продолжение)

Митинг на Пушкинской

Стаей галок летал, бился под сводами станции метро "Пушкинская" голос зазывалы. На удивление тучный мужик в кожане с прямоугольными плечами, тыча раструбом громкоговорителя, орал с середины платформы, леденил кровь зычными выкриками. Эхо кололось, двоилось, троилось, налезало само на себя под мраморным колоколом вестибюля, еще больше устрашая, и нельзя было понять, на какую же это экскурсию зазывает мордастый. Только подойдя поближе, Чунасоцкий понял: гражданин с раструбом без конца повторяет мудреноватую, успешную привить в мозгу фамилию Жиклера. Звал он на митинг с участием самого Мыс-Гордеевского. Неужели самого? Славик оторопел, ушам своим не веря. Неужели на ловца и зверь бежит? Так-таки само провидение устраивает эту свиданочку?.. На спине и на груди у функционера было пришпилено по портрету Мыс-Гордеевского. На этих плакатах-портретах роковой Григорий был запечатлен почти в одинаковых позах: с фюрерски вздернутым подбородком и грозно вскинутым перстом, грозящим, однако, не прямо, не перед собой, а куда-то вбок,

почти за голову. "На конюшню! Высечь!" — так и прочитывалось под каждым портретом. Да, таким жестом отнюдь не призывают, но именно грозят. На высылку, на поселение, во глубину сибирских руд, по этапу. Ах, Григорий Харлампиевич, Григорий Харлампиевич!.. Психолог, телепат ты, конечно, чуткий, но и не подозреваешь, брат, пока залавливаешь в мутной водице мелкую московскую рыбешку, какая страшная рыбка по прозванию крокодил сейчас станет скрадывать тебя. Сейчас, приятель, сейчас...

Славик выхватил из рук толстяка листовку-приглашение на митинг и бегом устремился на выход, на Пушкинскую площадь. Да-да, на Пушкинскую! Любят же сукины сыны свои случки с толпой всякий раз устраивать у памятника поэту! Точно кучерявый гений подбелит и вполне облагородит их гнусные испускания. Тут, на площади, возле остановки таксомоторов, в аккурат под конторой "Московских новостей" должна быть солидная уборная, которую Чунасоцкий, между нами говоря, не единожды посещал. Вполне приличная уборная, капитальная, с кабинками. Вот в одну из кабинок он и запрется. Удача сама плывет в руки, сам рок выводит его на эту тропу, и не следует мешкать. К черту все сомнения, к черту богоспасательный разговор с венценосным академиком, грешно даже вспоминать о нем. Раз, два — и готово. Запершись в кабинке, следует вытащить "Макаров" из сумки, распеленать его, перевести на боевой взвод и сунуть в правый карман брюк. Под курткой будет не видно. Следующая задача — пробиться поближе, остановиться среди каких-нибудь тетешек (не сразу выбьют ствол) и палить наверняка.

Страх не было, только легкий ознобец расходился толчками по всему телу, точно на холод в одну рубашку вышел. И вот что еще... ей-богу, как бы крылья обрисовывались за спиной. Вот когда верно выражение "ног под собой не чуя". Так, обрубив все связи с жизнью, прыгают вниз головой в пролет чугунного подъезда, маяковски стреляются, шваркают свои тела на дзоты и под кареты генерал-губернаторов. И стремглав уходят в бессмертие, в "разряд преданий молодых". О, этот сладкий холодок веков, который отныне не покроет его прах своей всепоглощающей пылью. Прощайте, родные, друзья, знакомые! Прощай, Илюша, помни об отце!..

Ветерок на выходе из метро — ветерок бессмертия шевелит его волосы. Толпа и он, как Сфинкс, над толпой, уже сияет в золотом венце мученика и героя. Буквально через десяток минут после рокового выстрела страна... да что там страна, весь мир узнает о нем, плеснется ротационным валом газет. Изображение потомка гордых краковских инсургентов, родившегося на знаменитой станции Зима, запляшет на экранах телевизоров над головами покупателей в супермаркетах, и эти супермаркеты тотчас же выкинут на прилавки майки и джинсовки с его портретом, и мыла, и крема. Да мало ли... Он уже спотыкался от наступавшей на пятки славы, когда наконец протолкался сквозь людские потоки к искомому туалету,

которому тоже, вероятно, придется испытать свою чашу известности. И тут его ждал удар. От чего же еще можно получить удар в родной стране по имени Россия? Лелеемый и желанный сортир был закрыт на замок. Несокрушимый замочище, как сытый бульдог, кренделем отдыхал на дверях, а для надежности кто-то еще и заколотил заведение, как деревенскую избу, горбылем. И мелом, как на школьной доске, было неровно выведено: "Римонт". Горбыль, однако, свидетельствовал, что никакого "римонта" нет, а только намечается. Вид у нашего героя был, вероятно, настолько обескураженный, что какой-то весельчак не выдержал и сочувственно посоветовал братку:

— Сходи за угол... там... того.

Что, провести манипуляцию с "Макаровым" за углом? Неплохую идею подсказал прохожий. Он пихнулся за угол, но тут же и отпрянул — никак невозможно. Человек пять мужиков, спасаясь от избытка урины, не обращая внимания на гуляющую в двух шагах публику, вперевой хлестали струями. Он ринулся в митингующую толпу, рассчитывая все сделать в толчее: незаметно переложить в карман и взвести пистоль, а затем протолкаться поближе. Он, видимо, и сделал бы это, не будь митингующие так спрессованы. Неведомой силы и происхождения притяжение сбивало их в плотный ком, как когда-то в очередь за водкой — невозможно вклиниться. Попрыгав безрезультатно с краю толпы то тут, то там, Славик поприших. Увы, увы, слава, все пятки было пообступавшая, не востребовав его, равнодушным галопом проскакала мимо. Шикарные золотые небеса начали принимать свой обыденный серый цвет, свойственный зимнему времени. Ныло в глазах от этого серья, от этой голодной, рвущейся, как к кормушке, толпы. А там, вдалеке, за морем людских голов, у самого постаментов великого поэта, ярил толпу, святотатствовал и лютовал некий человечиска в финском картузе. Он то и дело взмахивал рукой, точно забрасывал в человеческое море уду или, точнее сказать, вбрасывал нечто в голодные разинутые рты, затыкая их то булкой с маслом, то искони обожаемым российским народом продуктом — колбасой по два двадцать. Временами казалось, что Мыс-Гордеевский ловит в кулак пролетающих оводов. Срываясь на фальцет, точно выхаркивая, с неподражаемым одесско-вильнюсским акцентом грозил с выкидом кулака:

— Все! Все они у меня вот тут будут. Бесплатный проезд на Колыму всем обеспечен. Всем!..

Было ясно, кто эти "все", и толпа сконфуженно замолкала, но затем следовала новая тирада о дешевой прежде колбасе, а также о "Сникерсах", которые оратор уценит до рубля двадцати, и митинг вновь взрывался бурей восторга. Кое-где были подняты над головами сковородки, кастрюльки, в кои неистовые московские мамы, выработавшие свой трудовой стаж в коридорах гостиниц, на вахтах министерств, билетершами и кастеляншами общежитий, не слыша ни себя, ни оратора, без усталости колотили.

И никто в мире не мог прервать это беспорядочное гремяхание: ни ОМОН, ни сам оратор. У Славика закружилась голова. Митинг ощутило влияя, заряжал непонятной злобой энергией, заражал вирусом кровопускания. Хотелось бить, крушить все и всех без разбору. Видимо, жуткая биоплата, биоматрица, та самая ноосфера, которая описана Вернадским, нависала в этот миг над Пушкинской, над антично-курчавой головой гения, словно бы прислушивающегося к ахинее, доносящейся снизу. Славик вынырнул из толпы и, отплеываясь, чертыхаясь, поспешил прочь.

Апостол позанего секса

В кармане звякали ключики от московской квартиры, выданные Веркой. О, это спасение в бедламном городе. Нашував их, Славик у гастронома "Армения" вышел из тоннеля и перешел на бульвар, устремился вниз по Тверскому от шума и ора толпы. Будто там, на митинге, действительно, в голодный год выдавали булки. Даже не повернув головы кочан и, естественно, чувств никаких не изведав, он миновал "дом тетки Грибоедова", то есть дядьки Герцена, где на полотняной веранде в бывалошние времена, в разгул НЭПа и позднее различные писатели, Скитальцы и Новиковы-Прибои, так хорошо пили водочку под семгу и "порционные судачки а натю-рель". На той самой веранде, которую так злобно спалили паскудные кот Бегемот и кривляка Коровьев. Это здесь, возвращая писательские таланты, "деревьям ровно подрезают ветки", как писала шумноватая поэтесса Светка Басурматрова: И я иду. Мне холодно опять, Что тупо ухмыляются соседки, Что на Тверском бульваре, 25 Деревьям ровно подрезают ветки. Вполне возможно, ветки теперь и не подрезают, но лучше ли от этого становятся таланты, вот вопрос?.. Не повернул Славик головы и на тот глухой сквер, где, всеми забытый, повесив длинный нос и зябко завернувшись в чиновничью шинель, плакал над своими героями Гоголь. Зато мимо советского Гоголя, эдакого бравого учителя-передовика с книжками под мышкой, по-сталински ухмыляющегося в усы, он прошел, отсалютовав громким сморканием в носовой платок — простыл-таки в поезде, — чем и вызвал поеживание и переживание двух московских старушек на скамейке. Но ему после испытания глорией мунди было ровным счетом наплевать. Сейчас, вот уже сейчас он купит батон и кефир, граммов триста ветчины, повернет ключиком во 2-м Обыденском переулке и ввалится в Верунины апартаменты. Булькнет в ванну, отмоется от дороги, настырного крымчака, митингового этого гнуса, попьет кефирчика на ночь и — нырк в свежие, приятно хрустящие, холодком опахивающие простынки. Ах, блаженство! Что-то, правда, тревожно екнуло в самом нутре, когда он остановился напротив двухэтажного обшарпанного домишки, записанного на бумажке, и справедливо екнуло, но он по привычке отмахнулся. А надо сказать, еще одно серьезное испытание ожидало его в этот вечер.

Ибо едва он повернул ключ в двери и ступил в полутемную прихожую, как в уши хватил патефонно прошелестевший, жидкий старушечий визг и голое старушечье тело, топоча, как ежик, тощими ножками, пробежало в глубь квартиры и скрылось за какой-то дверью. Не могло быть никакого сомнения, что тело это старушечье: не было в нем возбуждающей женской гладкости и налитости, цвет лимонный и дрябловатые складки, как рябь по воде. Тем более, что само привидение прежде, чем скрыться за дверью, обернулось и показало именно старушечье, в обезьяньих морщинках личико.

Но нашему бедному оторопевшему герою было не до старушки, смывшейся за дверь. Дело в том, что посреди комнаты на широко раскинутом байковом одеяле лежал еще и голый старичок. Лежа на спине, он игриво подергивал ослиной ножкой и был, видать, в самом распале. Из-под сивой эспаньолки задорно вздергивался кверху роток. Старичок и не подумал тушеваться, хотя бы запахнуть концом одеяла; как лежал, будто в бане на скамейке, так и продолжал лежать. Мало того, он еще озорно косил глаз на Славика, бойцовски подмигнул ему — дескать, знай наших. Жестом помпейского патриция воздел он жилистую руку и аристократическим перстом указал на некую дверь, вернее, дверцу.

— К Верене?.. Туда!

Дверь была именно дверцей — ненастоящей, игрушечных размеров, явно сляпанной в позднейшие времена.

"Надо же! — искренне устыдился Славик, перешагивая угол байкового ристалища. — Прервал забаву! Возможно, последнюю в жизни".

Он дернул педерастическую эту дверцу, ответившую жалобным стоном, и вторично за вечер обомлел. Веренкина комната была под стать лилипутской двери: размером с комод, максимум полтора комода. Всю ее — от стены до стены — занимала солдатская койка, забранная грубошерстным зеленоватым одеялом с белыми полосами на краях, тоже как из ротной каптерки. Стояла еще тумбочка, враспор между койкой и стеной, было место, чтобы повернуться и накинуть крючок, как в уборной — вот и вся тебе комнатка. Потрясенный, готовый заплакать в обиде за Веруню Славик поставил сумку с кефиром, батонном, ветчиной и заряженным "Макаровым" у ног, а сам уселся на койку, сразу же покорно прогнувшись до пола. Старушка, оправясь от шока, в халатике явилась засвидетельствовать. Подсев рядышком — опрятная, симпатичная старушка, кто бы мог про нее подумать! — стала беседовать с ним, как мать с сыночком.

— Вы кто Веренке-то будете? — сразу взяв быка за рога, задала она наводящий вопрос: — Родственник или... — Выразительный шмыг глазами и бровями на солдатское одеяло.

— Да... это... — смутился Славик.

— Деньги сами будете платить? Или Веренка расплатится?

— Какие деньги? За что?

— Ну, за это... — старушка опять указала глазами на казарменную принадлежность.

— Да, я заплачу сам. Хоть сейчас.

— Восемь тысяч рублей.

— В месяц? — удивился Чунасоцкий.

— За ночь, молодой человек. Все-таки центр Москвы.

— Хорошо-хорошо, — поспешил согласиться квартирант. — Я ничего не имею против. А Вера что? Постоянно здесь ночует?

— Когда как, — дипломатично ответила старушка. — Нас ее личная жизнь не интересует. Да вы не смотрите, что комнатка махонькая. Зато знаменитая. Очень. Эта стенка была ложной, — сделал ладошку козырьком, зашептала собеседница. — Здесь эсеры в восемнадцатом... — она покосилась на дверь, из-за которой доносилось свежее побряхтывание, — прятались. И потом еще кое-кто прятался, не будем называть громких имен. Например, Яша Осовский, когда в 26-м его исключали из партии, а Троцкий заступился, тут две недели прожил. — Старушка опять мотнула головой на дверь и предупредительно погрозила пальчиком. — Не любит вспоминать.

— Кто это? — спросил Чунасоцкий.

— А разве вы не узнаете?

— Нет.

— Да это же Сокиро-Катайгородский Степан Бернгардович.

— Да ну? — сделал очумелые глаза Славик, решив подыграть простодушной старушке. — Неужели он самый?..

Хозяйка засмеялась и опять погрозила пальчиком.

— Вижу, не знаете. Ну, да где вам знать! Степан Бернгардович — профессор Института гигиены и санитарии. Известный в стране гигиенист. Вот почему он все еще ничего. О-оч-чень даже ничего.

— Из-за гигиены?

— Ну да, ну да. Все соблюдал в жизни. Попробуйте-ка вы в восемьдесят семь-то лет! — старушка сделала недвусмысленный жест — подергала враз обеими ручками, как это делают мужики в кампании, рассказывая о похождениях.

Ай да старушка!

— Иной раз побалуемся с ним, — кокетливо объяснила она, — поразвлечемся, как сейчас вот. До того сильный, до того другой раз всю измучает. Правда, — понизила голос старушка и опять ладошку ко рту, — таблетки специальные пьет. Удовольствие, правда, среднее.

"О боге надо бы вам думать, а не об удовольствиях!" — хотел было съязвить Чунасоцкий, но как гость постеснялся. Ни к чему это, попробуй-ка сам дожить до таких лет, интересно, какие тогда песни запоешь? Хотелось спать, откровения старушки начали раздражать. Из ванной доносилось счастливое пофыркивание умывающегося гигиениста, геронтологического

сексуала. Временами он что-то напевал. Славик зевнул, намекая, что он не прочь бы прилечь. Старушка намек как бы не заметила, продолжая разговор:

— Пока Степан Бернгардович плескается там, а он до-олго будет плескаться, я вам расскажу, как мы с ним познакомились. Рассказать?

— Расскажите, — через силу ответил Славик.

— Да вы приляжьте, приляжьте... Мы ведь со Сгивой уже давно знакомы. Еще со времен Промпартии. Помните, знаменитый процесс Промпартии?

— Помню, помню... — охотно согласился Чунасоцкий, явно лукавя.

— Отец мой, — зашептала хозяйка и усердно стала тыкать пальцем Славику в колени, — как раз и принадлежал к этой партии, и во время процесса тут, тут спасался, в этой самой каморочке. На этой самой коечке.

— Неужели тут?

— Тута! — усилила заговорщический шепот старушка и, округлив глаза, уставилась на Славика.

Сон отлетел сам собой: фантазмагории дня продолжались.

— Простите, а как вас величать?

— Меня-то? Полина Семеновна. А вас?

— Слава. И сколько же времени он здесь прятался?

— Около месяца. А потом Стива — он ухаживал тогда за мной — пошел в органы и написал, что он здесь.

— Простите, какой Стива? Вот этот?

— Ну да, — удивляясь непонятности гостя, просто ответила Полина Семеновна. — Он самый, Степан Бернгардович. Стиве тогда надо было расти, поступать в институт красной профессуры, и он вон каким ученым стал. А тогда знаете, что за недонесение полагалось?..

— А вы, Полина Семеновна? — растерянно пролепетал Чунасоцкий.

— А что я? Я вышла замуж за другого. За альпиниста Куценко. Погиб он в 1936 году. На семитысячнике пик Коммунизма на Памире. А потайную скрытню эту ГПУ, нет, уже НКВД разоблачило, но стенку не стали ломать, сделали вот эту комнатку, — грустно улыбнулась Полина Семеновна. — Больше в ней уже никто не прятался.

— А отец? Что с отцом?

— Ушел следом за своей Промпартией. Головку-то расстреляли, а ему дали десять лет. В сороковом вернулся, а в войну умер от грудной жабы.

— Но позвольте, как же вы теперь со Степаном Бернгардовичем-то общаетесь? Ведь он же вашего родного отца сдал?

— Тс-с! — приложила палец к губам старушка. — А что, милый мой, прикажешь делать? Время все лечит. Он покаялся, а я простила. Вот и весь киселек. Человек ведь, милый мой Слава, тем и жив: поканием да прощением. Кабы этого не было, давно бы люди перегрызлись.

— Они и грызутся...

— Да, вы, молодые, не умеете прощать. Тем более — каяться. Посмотрите хотя бы на нашу Государственную Думу. Такого озорства давно не приходилось видеть. Чтобы женщину да за волосы!.. Полная... как это сказать...

— Мутация?..

— Да хотя бы и она. В общем, паразитство.

Из ванной доносились звуки чудного русского романса "Отвори потихоньку калитку". Судя по мажору в голосе, моцион подходил к концу, происходило растирание.

Скоро сам Степан Бернгардович Сокиро-Катайгородский дернул мини-дверцу и предстал пред очами беседующих — бравый и свежий добрый молодец в замшевом, вишневого цвета полуперденчике и вязаной спортивной шапочке. Как бы выставляя напоказ свою подтянутость, молодежавый профессор задорно поглядывал налево-направо, улыбался в серебряную эспаньолку. Умильно, как утушка луговая, склонив набок головку, Полина Семеновна откровенно, с легкой усмешечкой, любовалась ухажером.

— Значит, в среду? — так же склонив хохолок, только на другую сторону, уточнил, очевидно, дату следующего свидания профессор-гигиенист.

— В среду, в среду! — радостно утвердила срок хозяйка и сообщила, уже гостю: — Сейчас Стива еще сделает пробежку по Фрунзенской набережной, а потом уж ляжет отдыхать. Так ведь, Стива?

— Нет! — категорически опротестовал 87-летний Стива. — Я еще пойду в баню на Кадаши, потешу себя веничком, а потом уж в постель. После бани всегда люблю поспать.

Не зная, как еще задержать кавалера, чтобы полюбоваться самой и дать повосхищаться гостю, Полина Семеновна сообщила:

— Степан Бернгардович еще и стихи пишет.

— Что вы говорите?! — фальшиво воскликнул Чунасоцкий, не чающий отделаться от стариканов.

— Да-а! — разом возопили оба, а сияющий Степан Сокиро тут же и сообщил:

— Пять с половиной тысяч стихов написано. Больше, чем у Пушкина.

— Не может этого быть! — ахнул Славик. — Неужели больше, чем у Пушкина? У Александра Сергеевича?

— Больше, больше, — закивала хозяйка. — Мы вместе считали. На несколько сотен стихотворений больше. Кажется, на шесть сотен. Так, Стива?

— На шестьсот двадцать семь. Считая все пушкинские экспромты и двустрочные остроты. По десятитомнику семьдесят четвертого года считали. Но у меня ведь не экспромты, а полновесные стихотворения.

— Правда, — осведомила Полина Семеновна, — есть и стихотворения, в которых всего четыре строчки.

— А прочитайте что-нибудь! — попросил Славик.

Профессор охотно согласился.

— «Это время прожито недаром. Да, недаром прожит каждый день. Это время — в будущем подарок радостных хороших перемен». Как, а?..

— Да. Круто заявлено, — хладнокровно уверил Чунасоцкий. — Издавать надо.

— Иде-ет, иде-ет в этом направлении работа, — отозвался старикан.

— Скоро у Стивы, — с восторженным ужасом сообщила Полина Семеновна, — двухтомник избранного выходит. На свои средства. В первом томе чисто любовная лирика. Очень интересно.

— Вот бы купить!

— Зачем купить, молодой человек. Оставляйте ваши координаты, я вам вышлю. Обязательно.

— Степан Бернгарович очень обязательный человек, — поведала Полина Семеновна еще одну положительную грань характера своего любовника, когда приторный до тошноты старикан-гигиенист наконец вышел вон. — Если сказал, так вышлет.

Хозяйка задумчиво мяла в руках и расправляла, разглаживала полу халата. Затем, вздохнув, сказала:

— Все-таки в том, что он сдал папу, есть свои тонкости. И они оправдывают Стиву.

— Какие тонкости? Какие могут быть в таком подлом деле тонкости?

— Вы, молодые, все ужасные максималисты, — начала свой расклад хозяйка, — а тонкости вот какие: во-первых, как я навела справки потом, органы знали о тайнике. И с минуты на минуту могли нагрять. Они и собирались нагрять. Оказывается, следили за Обыденским переулком, да Стива их опередил.

— Молодец ваш Стива!

— Ой, не судите так строго, Славик! Не знаете вы того времени. Не жили в нем, а судите. У Стивы в один момент могла вся жизнь перекувыркнуться, встать на голову. И как ученый он бы не состоялся. А папу все равно бы взяли и все равно бы на те же десять лет.

— А если бы он явился с повинной? Тогда бы срок скостили.

— Вряд ли, — сузила глаза, словно заглядывая в те далекие малоприятные времена, Полина Семеновна. — А Стива бы пострадал за недонесение. Это наверняка.

— Давайте укладываться, Полина Семеновна! — опять зевнул Славик. Он хотел добавить "Мне вас жаль, Полина Семеновна", но не хватило духу произнести эту фразу. И слава богу, что не хватило. Возможно, добрая старушка обиделась бы, и сильно.

— Давайте, давайте.

Славик закрыл тщедушную дверцу на допотопный крючок — все-таки пистолет в сумке, разделся до трусов и юркнул под грубошерстное одеяло. Слоном навалились усталость и сон, но и сквозь эту тяжесть прорыва-

лись впечатления сегодняшнего дня. Впечатления, вполне смахивающие на фантазмагорию, театр абсурда. Он теперь вне закона в этом театре, он избыл свою роль, он уже не способен понимать, где химера, а где реальность. И, может, самое время сделать финт, покинуть родимое пепелище, по которому бродят шайки и доворовывают... Уехать куда-нибудь к чертовой бабушке в нормальную страну, например, в Австралию или Канаду. Земли там много, разводить кроликов либо овец... Вяло лезла в сонную голову всяческая околесица. Нет, никакая Австралия не поможет. Прокаженному покидать лепрозорий не рекомендуется. Клеймо. Тут, в лепрозории, не так заметна проказа, эта лепра у всех, тут все "му-му": мудаки либо мутанты, что, возможно, одно и то же. И проживать тебе тут до скончания века, а там, за бугром, пожалуй, камнями побивахо... Здесь же и сам, кого хочешь, можешь побить...

В море, среди трупов

Впервые за много лет после службы в проклятых конвойных войсках Чунасоцкий спал на солдатской койке. Прodeв ноги сквозь железные прутья и упирався ими в стену. Шикарный ночлег. Сон его, как мы уже упомянули, был тревожен. Майор с чугунным пушболом и функционер Троцкого, оборонный академик и графоман-гигиенист — все перемешались, и столь крутой замес перевоплотился неожиданно в красного командарма Гамарника. Гамарник... Почему именно он?.. Эта нетривиальная фамилия досадной колючкой вцепилась в мозг и не хотела отставать. Командарм, единственный из тысячной толпы комкоров, комдивов, командармов и трех маршалов сумевший не даться в руки НКВД, а застрелившийся до того, как синие фуражки поднялись по лестнице. Только к утру угасла, потерялась в памяти необычная фамилия. Зато четко, потрясающе ясно, как в японском телевизоре, возникла и пошла живая, шевелящая плавниками дельфиниха Ирэн. Со стратегическим заданием она уплывала в море и опять возвращалась, жалобно канючила у берега. И Влад с корточек кормил ее булкой с маслом, колбасой по два двадцать под названием "собачья радость". Потом все видения накрыла какая-то тень, чернильное облако, сквозь которое польхали жуткие вертящиеся огоньки раздуваемых кем-то головней...

Тщедушная дверца содрогалась от стука, и допотопный крючок, сработанный из гвоздя-сетки, подпрыгивал. Его будили, срочно будили. Что, за украденным пистолетом пришли? Органы, НКВД?

— Кто там? — Он вскочил с постели.

— Это я, Славик, Полина Семеновна. Тебя междугородка спрашивает.

— Кто?

— Верена, наверное. Из Феодосии.

— А-а! Сейчас оденусь.

— Да беги так, в трусах. Срочное что-то.

Далекий голос был наигранно бодр. Даже со сна Славик уловил эту наигранность.

И вдруг — ушат холодной черноморской воды из трубки:

— Влад погиб.

— Как?

— В Щебетовке зарезали.

— За что?

— Не знаю. Потом поговорим. Ты давай, приезжай на похороны.

— А как же!

— Деньги выслать?

— У меня есть.

— Подай телеграмму, какой рейс, я тебя в Симферополе встречу.

— Вылетаю...

Только положив трубку, Славик заметил, как у него трясутся руки. Зуб на зуб не попадал. Случилось страшное, и самое страшное было в том, что узнал он о гибели Влада из сна. Кто-то из дьявольской невозможности вот только сейчас, за минуту до стука в дверь, сообщил ему тревожную весть... Свирепый зимний ветер привольно гулял по Крыму, срывал одежду с людей. Было невероятно холодно в Крыму, холоднее, чем в столице. Когда Славик сошел с трапа самолета, его чуть не сбило с ног порывом ветра. Верка встретила его у выхода, у металлической ограды. Глаза ее были заплаканы.

— Он был мне как брат, — только и сказала она.

— Мне тоже, — хмуро отозвался Славик.

Такси уже стояло под парами, и они, усевшись, понеслись по холмистой дороге, продуваемой злобным этим ветром, мимо усыпальницы Грина, на Феодосию.

— Как он погиб?

— Нелепо. Несуразнее и придумать нельзя. С тем же Генашкой поехали домой, в Феодосию. В Щебетовке зачем-то сошли. Бог знает, для чего. Купили бутылку, завернули за угол, начали распивать. А тут началась разборка башмаков с татарами.

— Каких башмаков?

— Ну, клана братьев Башмаковых, они тут по всему побережью хозяева, хотя старшего-то пристрелили. Ну вот. Ему бы отбежать, а он увидел, что татар напрасно обижают, встал на их сторону. Вот так вот запросто — отдал Генке недопитую бутылку и встал рядом с татарами, кстати, вовсе незнакомыми.

— И что же?

— Покрошили из автоматов. Славiku две пули достались: в бедро и в живот. Умер не сразу. Когда подъехала скорая, еще жив был. В машине и умер.

— А Генашка?

— Тот — светлая голова. Увидел, что дело круто оборачивается, взял ноги в руки — и в гору. Говорит, по нему тоже стреляли, да не попали. И с чего это Влад примкнул к татарам? Ведь знал же, знал, что разборки тут ведутся отнюдь не на кулаках...

Замолчали, каждый думал о своем. Свинцовые тяжкие тучи гнало по небу, как мусор метлой дворника. Голые пирамидальные тополя раскачивались и так, и сяк, хлопьями сажки несло по небу стаи галок. Крайне тоскливо было в Крыму, всегда цветущем благословенном краю.

— У меня коньяк в сумочке. Хлебнешь?

— Давай, пожалуй. Покойника в квартире не было.

— Влад просил его из морга хоронить, — упавшим голосом сообщила Лидочка. В черном платке и платье она тыкалась по квартире, как потерьянная, не зная, за что взяться.

— Что же энэлошники-то не прилетели? — бухнул, как в лужу, подзахмелевший от дороги, беды и коньяка Славик. — Он похвастался, что поживет до шестидесяти семи...

Все, кто был в квартире, вздрогнули. Наверняка эта злосчастная "тарелка", на которой Влад якобы и не якобы летал, вертелась в мозгу у всех. Но никто не знал, как приступить к этой теме. Сидящий на диване с сосредоточенным видом и мнущий в руках спортивную шапочку кривотел Генашка как бы очнулся и уставился на Чунасоцкого вытаращенными, печально хлопающими глазами, точно впервые его видя. Потом, как будто что-то вспомнив, конспиративно поманил Славика за дверь. Они вышли.

Генашка тотчас же вытащил из потайного кармана пальто остаток вина "Анапа" и предложил глотнуть. Славик не отказался, сделал пару глотков.

— Закурить не имеется?

— Не курю.

— Жаль.

— Так у Верки стрелни.

— Стесняюсь. Попроси сам, а?..

Славик сходил в в квартиру и вернулся с двумя сигаретами. Тоже закурил, неумело пуская дым. «Я вот чего тебя, Слава, позвал... — Генашка потер затылок. — Когда я вез Влада в Феодосию, он еще был в сознании. Попросил меня достать из кармана вот эту штучку. И я достал,» — Генашка вытащил мягкий носовой платок и, развернув его, протянул Славiku синеватый металлический квадратик. Славика отшатнуло. Предательская волна слабости прошла по телу. Вот он, этот маячок. Точка-тире-точка. И ты — где угодно, хоть у пролива Лаперуза. Немедленно появилось стремление конфисковать эту заманчивую штучку у опустившегося бомжа. На что она ему?

— Бери ее себе. Он просил.

— Как просил? Какими словами?

— Просто прошептал "передай Славке". И тут же потерял сознание. И больше так и не очнулся.

— Он не объяснял тебе, что это такое?

— Он вообще меня за негра держал. Но я догадываюсь, что это как-то связано, — Генашка поднял палец кверху, затем опустил его книзу. Потом не нашел ничего лучшего, как опять извлечь из кармана "Анапу" и запрокинуть дно к потолку. Тощий кадык Генашки, пропуская глотки, заходил вверх-вниз.

— А где тут морг? — моментально зашепшил Славик, спрятав в карман драгоценный квадратик. — Мне срочно нужно в морг. Как туда доехать?

— Ехать никуда не надо. Он тут, рядом.

Генашка подвел Славика к окну, показал во двор:

— Вон он, желтенький дворик.

— Я сейчас... — бросил Чунасоцкий Генашке и опрометью ринулся вниз по лестнице. Он еще не знал, зачем и почему бежит в суровое заведение и что будет там делать. Что-то толкало его туда и толкало все быстрее, быстрее. Точка-тире-точка. С содроганием вступил он в деревянные сени городского пристанища мертвецов, где — о, ужас! — прямо в сенях, на окровавленном полу лежал разрубленный по груди надвое — как говядина на рынке, — некий молодой человек в накрахмаленной манишке с бабочкой с аккуратно зачесанными назад набриолиненными волосами. Такой же молодой человек в белом халате с импозантной черной бородкой терзал, деловито разбирая этого мертвеца на запчасти по тазам. Требухи уже не было. Еще больше содрогаясь и покрываясь мелкими мурашками, Славик хрипло окликнул слесаря-эскулапа и тот, не отрываясь от своего жуткого занятия, показал резиновым осклизлым пальцем на дверь, обитую клеенкой. Славик зажмурился и отчаянно рванул ее. "Куда меня, беднягу, занесло!" — пришла на ум строчка поэта. Морг был забит мертвецами, как ночлежка босяками. Покойники, голые и в одежде, гроздьями лепились на узких цинковых столах, свисали с них головами и ногами, как потрудившиеся на славу и заснувшие крепким сном работяги. Иные, соскользнув со стола, лежали на полу, опять же в позе сна. Что удивительно, женщин в морге было мало, одни мужики, преимущественно молодые. Ощущение, что артель дружных работников прикорнула после трудов праведных, было полное. В уголке, за крохотным столиком с телефоном, сидела неопределенных лет женщина с отсутствующим выражением лица и, ничем не отделенная от покойничков, за обе щеки уписывала ломоть чайной колбасы с белой булкой, запивала ее чайком из фарфоровой лабораторной посуды. Тут же, на столике, лежала выключенная спираль кипятильника. Женщина не обратила на вошедшего ни малейшего внимания, продолжала, уставясь в одну точку, прислушиваясь к себе, аппетитно жевать. Славика помутило, повело на унитаз, но он нашел в себе силы поинтересоваться: «Что, бабуля, вкусно?» Продолжая

бульдозерно заметать колбасу, служительница отвесила: «Я не бабуля. Мне тридцать девять лет.»

— Извините, со свету не разглядел. А что это, барышня, у вас нынче такой урожай? Работница морга старательно прожевала и, проталкивая внутрь ужеванное, наклонилась вперед в полупоклоне, прислушалась, как прошла пища. И только потом ответствовала:

— А всегда. Всегда у нас, барин, такой урожай. Как начали водку продавать на особом углу, так и пошли косяками. Раньше где не где покойничек, а теперь во как!.. Да ребятки-то все какие! — с любовным презрением окинула тридцатидевятилетняя мадам впавшую лежащую братву. — Ягодки! В самом соку. Хотят расширять морг-то, да не знаю, денег, видать, не находят. — Трогательная забота о расширении заведения отразилась на лице собеседницы.

— А вы не знаете, где лежит покойник по фамилии Владлен Иконников?

— А-а, который на тарелках летал? — радостно озарилась служка, подняла кверху палец, и Чунасоцкий понял, что слава, созданная Владу беспардонным одноклассником, достигла солидных высот.

— Многие уже приходили посмотреть его, — сообщила собеседница. — Многие даже деньги клали.

— За что деньги?

— За вход. За экскурсию. Обрядила я его по-людски, как следует. Два раза формалинчиком обработала. Вечер одели его, как жених лежит. Отсюда, видно, решили хоронить, не из дома. Женщина разделалась наконец с колбасой и повела Славика между рядов, забитых порубленными, раздавленными, в кровоподтеках, со следами автомобильных протекторов на лицах и туловищах, с лимонными вздутыми животами (отказала печень) клиентами. Влад лежал отдельно на цинковом столе, одетый в черный, как бы концертный костюм и белую рубашку с оранжерейно-пестрым, по моде, галстуком. Вот уж кто не любил галстуки, всегда ходил в свитере. Покойник был торжественно-бледен, как перед выходом на сцену. Ноги в щегольских ботинках и руки были связаны бинтами. От мертвеца исходил тонкий приятный аромат.

— Лавандой обработали! — пояснила провожатая и добавила: — Сама-то хорошо заплатила, по пятьдесят тысяч обоим нам сунула, мне и Гаринычу, вот и определили его одного на один стол, а так бы разве определили, лежал бы в общей куче.

— Вот вам еще пятьдесят тысяч, только прошу, оставьте нас одних. Надо проститься с другом. Женщина, как щипцами, двумя прямыми пальцами защемила бледноватую бумажку и моментом утопила ее в кармане синего халата.

— Двадцати минут хватит? Я до магазина пробежусь...

— Вполне! — ответил Славик. Она тотчас же вышла вон, в сени, где, видимо, еще пластал мертвецов молодой бородач, и Чунасоцкий немедленно достал квадратную пластинку.

Межпланетные Левиафаны

Все-таки страшновато было приступить. Мысленно осенясь крестом, мысленно же сотворя единственную молитву, которую знал — "Отче наш" — он три раза надавил на пластинку. Точка-тире-точка. Минуты полторы стоял он в полной тишине среди трупов. А возможно, и дольше: время как бы утратило привычный темп, пошло в другом... Внезапно ладошку, в которой был зажат маячок, точно слабым электрическим током зашипало, зашипало, живчиком дернуло, и в окружающем мире что-то изменилось. Что — нельзя было понять. Все так же подслепло горели лампочки морга, неслышно отдыхали мертвецы, но ощущение зародилось такое, будто на Чунасоцкого наваливается тяжесть, нечто огромное, непостижимое нависло и над окрестным миром. Вот подслеповатые лампочки тревожно замигали. Замигали и погасли, мертвецы тревожно забелели в полутьме голыми телесами. В следующее мгновение морг осветился, как от электросварки, и сверху, сквозь потолок, как нож сквозь масло, прошел, опустился точно над Владом сверкающий эллипс с иллюминаторами по всей окружности и неким серебристым выступом, как поля у шляпы. Похоже, этот массивный обруч стремительно вращался. Так стремительно, что вращения даже не было заметно. Однако разглядывать было некогда, тем более, что сбоку в тарелке как бы само собой образовался проем и в нем появилась фигура человека. «Игорь?» — спросил Славик. Тот утвердительно кивнул головой. С порожка образовавшегося проема косо упал луч, и Игорь, как по помосту, сошел по нему, рассеянно сунул Славику ладошку и тут же занялся Владом. Странные механизмы — те же лучи — приподняли покойного над цинковым столом, причем мухи, швырками передвигающиеся по цинку, моментально попадали кверху лапками. Труп как бы сам собой вплыл в корабль, и Игорь сделал приглашающий жест. Внутренне содрогаясь, с опаской ступил Чунасоцкий на плоскость луча, который неожиданно оказалось тверд, как мостовая, и взошел по нему в тарелку.

— Что это? — спросил Игоря.

— А! — отмахнулся тот, как от пустяка. — Простая ионизация воздуха. Подобно тому, как вода превращается в лед...

— А-а! — по-дурацки отозвался Славик. — Все понятно.

Хотя на самом деле ничего не было понятно. Ровным счетом ничего. Ведь всего несколько секунд прошло, а за иллюминаторами уже пылала факелами звезд черная, как сажа, ночь.

— Куда мы летим? — спросил Славик.

Игорь помотал пальцем перед собой и приложил его к губам: не положено-де спрашивать, куда летим. Он, этот Игорь, тут же хлопнул себя по голове, точно что-то забыл, кинулся к какому-то ящичку-бардачку, угнездившемуся под пультом, извлек из него некую тубу и, подойдя к Чунасоцкому, мазнул его из этой тубы по губам.

— Сглотни!

Чунасоцкий слизнул с губ намазанное и проглотил. Мазь оказалась безвкусной.

— Это для чего?

— Вообще-то вопросы здесь не принято задавать, — отозвался Игорь. — Просто не принято. Постарайся избегать их... Все, что нужно, тебе скажут. Да, но... кругом вопросы. Игорь не ответил. Второй член экипажа, чересчур уж земной, вихрастый парнишка лет восемнадцати, в рубашке с крупными красными клетками, с расстегнутым, как на большой жаре, воротом и закатанными выше локтя рукавами сидел за пультом и был погружен в пилотирование; третий — худощавый угрюмый мужик с бачками, похожий на артиста Гафта — этот был одет в серебристый облегающий костюм — занимался Владом. Тело Влада положили; как скрипку, в какой-то, видимо, герметичный футляр с пультиком на крышке, и теперь угрюмый склонился над этим пультиком, нажимая на клавиши. "Холодят! — со сладкой надеждой подумал Чунасоцкий. — Видимо, есть надежда..." Однако спросить об этом у Игоря после сурового назидания не решился.

— Как он погиб? — между тем поинтересовался Игорь.

"Ага, ему-то можно задавать вопросы!.." Славик рассказал. И добавил:

— Очень просто вычислить этих убийц. Взять самих Башмаковых, и они выдадут. С такими-то возможностями. Давайте вернемся и накажем. Стоя перед иллюминатором со скрещенными на груди руками — чисто капитан Немо — Игорь задумчиво произнес:

— К сожалению, это придется отложить. Нам не положено вмешиваться. Они сами себя накажут. — Так ведь долго ждать. — Недолго, — убежденно ответил Игорь. — Вы говорите, "не положено вмешиваться"! — загорячился Славик. — А как же Влад? Ведь вмешались же... вот... заморозили в каком-то футляре. — У Влада на Земле уже нет вариантов. А если нет вариантов, значит, можно вмешаться... По крайней мере, попробуем... — С Владом был такой случай... Объясните мне его. Он мчался на такси в симферопольский аэропорт, опаздывал на самолет, и вдруг, уже перед самым аэровокзалом, кто-то сзади, точно за волосы, остановил машину. Вцепился и держит, ну, накрепко. Шофер матерится, а не может понять, в чем дело. И вот подержало-подержало, так и отпустило. Вбегает Влад в аэропорт, а на контроле его уже не пускают, посадка уже завершена. Он ругаться начал, даже хотел служащему в морду заехать, а тот спокойненько так, как будто каждый день случается, показывает пальцем: видишь. А там самолет, едва поднявшись, на куски в воздухе разваливается... Кто это его уберег, такси придержал? Вы?

— Нет, не мы! — Казалось, Игорь всерьез заинтересовался услышанным.

— А кто же? Ангел-хранитель?

— Таковых в природе не имеется.

— Кто же тогда?
— Тонкий мир. Вернее, один из тонких миров. Тот у кого время забегает вперед. Они и решили поостеречь Влада.

— Почему именно его?..
— Показался им своим. А впрочем... Мы тоже не до конца эту проблему уясняем... Никелированный модуль мчался в космическом пространстве с невероятной скоростью. Планета Земля, уменьшившись до размеров других светил, уже потерялась среди звезд. Само Солнце выглядело не больше детского мячика. Восторг и ужас, сменявшие друг друга, владели нашим героем. "Жаль, Верка не видит", — подумалось ему вдруг.

— Хочешь посмотреть межпланетных левиафанов? — неожиданно предложил Игорь и подманил Славика к некоей трубке. — Наводи ее на Солнце.

С любопытством прильнул Славик к окуляру. Легко навел прибор на Солнце. Через фильтры на удаляющееся Солнце можно было смотреть не жмурясь, как на закате. Чисто и ровно сияющий диск с волосами протуберанцев. Таким рисуют солнышко в детских книжках.

— Видишь что-нибудь на фоне диска?..

— Нет, ничего. Диск чист.

— Смотри еще.

Он еще несколько минут следил за диском Солнца, и вдруг мурашки поползли по спине.

Абсолютно чистый диск Солнца пересекало тонкое слоистое облачко. Нет! Отнюдь не облачко, а некое гусинообразной формы чудовище. Живое, шевелящееся. Оно приподнимало гребнястую, как у сказочного петуха, голову и оглядывалось. Что-то плывущее сзади привлекало звездного гуся... Ага — следом за ним шло другое, несколько меньших размеров, и тоже пошевеливало гусиной шеей и кужлевой головой. Свалив за диск, оба чудовища исчезли, сделались невидны.

— Представляю, каких они размеров! — оторвался от трубки ошеломленный Чунасоцкий.

— И представить трудно! — отозвался Игорь. — Даже мы с нашими, как ты выражаешься, возможностями не можем определить эти размеры. Но гораздо больше, чем диаметр лунной орбиты. Это однозначно.

— Больше четырехсот тысяч километров?

— Ну да.

— Они так в космическом пространстве и плавают?

— Так и плавают. А где же им помещаться-то?.. А видны только на фоне солнечного диска.

— Так это и есть тонкие миры?..

— Мы не знаем, что это такое. Мы пропускаем их как пустое место, и наши приборы при прохождении не фиксируют их материю. Только и можем наблюдать издали. Смотри! — Игорь показал в иллюминатор.

В нем виднелась яркая, лохмато пылающая звезда. Было заметно, что она ближе других светил, по космическим меркам — совсем рядом.

— Мы сюда летим?

— Да. У этого солнца всего одна крупная планета, остальные — мелочь. Типа нашей Луны и поменьше. Но зато планета!.. Вещь. Вторая Земля.

— Как — Земля?..

— Тот же климат. Те же материки и океаны, воздух и вода. И оборачивается вокруг своей оси практически за сутки — за тридцать с половиной земных часов. Как будто кто-то смоделировал нашу Землю — уникальный для космоса случай.

Вторая Земля быстро приближалась. Скоро она уже заняла весь навигационный экран перед пультом, перед парнишкой в клетчатой рубашке. Игорь опять достал из "бардачка" тубу и опять мазнул Славика по губам. То же он проделал и с собой, потом передал тубу пилоту.

— Слизни. Обязательно слизни!

— Я уже слизнул.

На Земле-II

Пошли низко над "землей", на высоте 300–400 метров со скоростью рейсового самолета. Игорь как бы приглашал познакомиться с планетой, осмотреть ее, и Славик впился в иллюминатор — не оттащить. Внизу проплывали типичные пейзажи средней полосы. Березовые перелески, заболоченные, поблескивающие озерцами поймы извилистых рек, могучие сосновые боры. Все, как на Земле. Нет, не все. Чем-то разнился этот пейзаж, но походил здорово. Сначала Чунасоцкий не мог взять в толк — в чем же разница-то, а потом обнаружил: листва и хвоя в лесах более нежного, более насыщенного цвета — как в японском телевизоре. Трава же на лугах более темная, даже лиловатая, со свекольным оттенком. Воздух был не синий, а голубой, даже густо-голубой, как мазь. Такой голубизны даже на юге не бывает. И все-таки не этим отличался пейзаж, и скоро Чунасоцкий, ахнув, сообразил-таки, в чем отличие. Нет полей. Широких распаханых человеком крыльев полей, причесанных сеялками и культиваторами. А нет полей — нет и селений, нет дорог. И самое главное: не надоедают пейзажу, не шагают туда-сюда опоры электролиний. Эта вторая Земля, не изъезженная, не ископытенная, лежала внизу в девственной первобытности — этакая малахитовая шкатулка. Такой, наверное, такой была и та, человеческая Земля во времена печенегов или монгольского нашествия. А впрочем, нет. Тогда уже стояли в изложки Нила пирамиды, был Рим и была Греция, кремни громоздились по кручам славянских рек, и леса всюду дымились, горели — их выжигали под поля. Такой, как на этой промытой картинке, Земля была гораздо раньше — в пещерные времена. Но поразмышлять на эту тему не пришлось. «Смотри!» — показал вниз Игорь, и Чунасоцкий увидел под бортом модуля обычное крестьянское

поле, засеянное то ли рожью, то ли пшеницей. Начиная великий роман, классик изрек: "Все смешалось в доме Облонских". Все смешалось в душе Чунасоцкого, когда он увидел на этом поле дореволюционных жниц. С обычными серпами они склонялись над жнивом, вязали снопы, ставили их в суслоны. Все до единой жницы были в белых кофтах и белых платках — ансамбль, как на картинах передвижников. В отдалении бородастый мужик в поддевке разбивал суслоны, трехрогими вилами грузил снопы на телегу. Гнедая лошадка, отбиваясь от оводов, помахивала хвостиком. Идиллическая картина. Модуль завис над полем, потом — специально для Славика — опустился ниже, до высоты двенадцатиэтажки, но странное дело — никто из крестьянок не расклонялся от снопов, не задирали вверх голову, чтобы полюбоваться серебристым модулем, как бывало задирали головы деревенские ребятишки, когда низко пролетал пожарный или санитарный АН-2.

«Они нас не видят, — пояснил Игорь, — включен защитный экран. Что, летим дальше?» Полетели дальше. Они мчались к селенью, довольно большому, раскинувшемуся широко и привольно, как донская станица. Над селением модуль опять завис, и снова пришло время Славика изумляться.

— Кресты! У них над каждым домом кресты! Каждый дом — церковь?

— Да, — подтвердил Игорь, — здешний народ очень религиозен.

— В кого же они веруют? В Христа?

— У них немножко не так. В вере ради удержания человека в нравственной узде им нет проку. У них и так никто ни на кого не нападает, никто ничего не отымает друг у друга, не ворует. И Христа как личность они не знают. Да и зачем им Христос! Он там, на кровотокающей Земле нужен, а здесь просто бы никто не понял его учение. Оно бы нонсенсом было, чепухой, тотемной африканской сказкой. Зачем папуасу меховая шуба? Вовсе не нужна.

— Но во что же они веруют все-таки?

— Они веруют в ту силу, которая ими руководит.

— Уж не в вас ли? — показал Чунасоцкий на пол и потолок модуля. Игорь усмехнулся и крутнул головой.

— Мы в этом деле мелкая сошка. Говоря научным языком, лаборанты...

— А кто же эта сила? — Славик поднял палец вверх.

— А я тебе не отвечу при всем моем желании. Мы не так посвящены, как ты думаешь, и можем только догадываться кое о чем. То-олько догадываться. Понимаешь ли, нашу земную цивилизацию просто-напросто прохлопали, прозевали, как трудного подростка. Человечество под шумок церковных пеней в такого негодяя выросло, в такого самопоедающего монстра! Спихватились, а поздно. Не исправишь! В конце концов Апокалипсис придет на Землю не от Высшего Разума, а выползет из заляпанного нутра этой самой цивилизации...

— Тебе не жалко людей?

— Как это не жалко? Я ведь сам человек. Как же мне самого себя не жалеть?..

— А этих людей что, — как в омут с головой пошел Славик, — на смену готовите? Через триста лет после ядерной кнопки?

— Ты это о чем? — удивился Игорь.

— О версии Нострадамуса. Будет ядерная война... потом черные маки — цветы радиационных катастроф. Потом, через триста лет, населят Землю другие люди, доброжелательные и чистые, на Земле не будет ни войн, ни ограблений, ни поборов. Придет Золотой век. Так, что ли?

— Может быть. Может быть, твой Нострадамус и прав. Не знаю. И никто этого не знает.

— Ну хорошо, — немного подумав, переменил тему Славик, — а говорят эти люди по-каковски?..

— Нового Вавилона на Земле, очевидно, не будет. Для этих людей, — Игорь показал вниз, — создан общий язык. Вернее, основа языка, вроде эсперанто. Далее сами люди разовьют его и пополнят, насколько им потребуется.

— А в чем же заключается ваш лабораторный контроль за ними, бедными этими поселянами?..

— А мы как полиция нравов. Появится где какой забияка вроде Садама Хусейна, только начнет себе колчан мастерить — мы его за ушко и на солнышко. За тибо и на правож.

— Это как? — развеселился Славик. — На дыбу что ли?

— Да нет. Просто изымаем — и в другие широты. Более северные. Там избушка зимовщика, запас консервов. Остальное зависит от его смекалки, трудолюбия и прилежания.

— Здорово! И помогает?

— Как ветром выдувает все фюрерские замашки. Опять становится нормальным человеком. Тут главное не прозевать, не упустить...

Славик задумался. Мысли его потекли в направлении, свойственном истинному землянину.

— И как же вы его изымаете?.. Работает на поле мужик, а вы к нему подлетаете на этой кибитке — руки за голову и в садок?

Игорь рассмеялся.

— Все верно, мыслишь, как сын своей цивилизации. Здесь немного не так. Приходит староста, стучит кнутовищем в стену: "Собирайся, Игнатич. Старики требуют". Соберется этот Игнатич, придет к старикам, они его и попросят позимовать в верхних широтах. Ласково попросят и колчан со стрелами принести.

— И приносит?

— Обязательно. Никакой ослушки. Тем более, что мы воздействуем...

— Каким образом?..

— Телекинезом. Кстати, знаешь, кто староста в том селении, которое мы пролетели? Скажу тебе — не уснешь. Нет, пожалуй, я тебе попозже скажу, на сегодня хватит.

Модуль повернул на юг и увеличил скорость. Леса средней полосы незаметно перешли в степь — нетронутые залежные пространства бурой, пожухшей на солнце растительности. Мелькнули глыбами колотого сахара снеговые горы, за ними пошла пышная субтропическая растительность. Все, все как на матушке Земле.

Над пустыней начали снижаться.

Внизу, на песчаных барханах красиво лежало белоснежное колесо, похожее на надвунную игрушку. Четыре спицы сбегались к центру, к ступице, которая напоминала конусообразную башенку.

— Да это же звездолет! — ахнул Чунасоцкий.

— Вот тут мы и живем! — объявил Игорь.

Гарем в пустыне

Модуль по наклонной — как по желобу — прямо и точно вошел в некое отверстие, образовавшееся в ободе колеса, коснулся пола. Они еще несколько минут провели в "тарелке" — стекла иллюминаторов заполняла плотная молочная мгла. Точно в кастрюлю с кипящим молоком попали. «Стерилизация?» «Да-да, небольшая банька.»

Они вышли из модуля и через дверь, бесшумно отъехавшую в сторону, попали в коридор, наполненный мягким голубоватым светом. Сколько ни вертел Славик головой, источника этого голубоватого свечения так и не обнаружил. Будто светилось само покрытие стен. Возможно, и впрямь светились сами стены. Его завели в какую-то кабинку и попросили посидеть в удобном мягком кресле, вернее, ложементе — рельеф тела идеально вошел в этот ложемент. Мимо куда-то провезли Влада в футляре.

— Не пугайся. Послеполетное обследование. Одновременно и лечение. Все параметры организма будут скорректированы.

Минут через пять Игорь попросил его выйти.

— Ну, вот и все.

— Что со мной было? Я ничего не почувствовал.

— И правильно сделал. У тебя взяли кровь на анализ, определили давление, пульс, жизнестойкость — ваши врачи пока даже не догадываются о таком понятии. Кое-что пришлось в тебе подрихтовать, поправить. Теперь ты молодцом.

— Но я не заметил, когда кровь взяли.

— У тебя высосали ее, извини, через ягодицы...

— Но где же врачи-то?

— Незачем врачи. Они могут ошибиться, а машина — никогда.

Было чему удивляться на этом базовом корабле и далее. Например, Игорь завел гостя в комнату, где ему предстояло жить, а там — обычная

гостиничного типа койка с полированными спинками. На койке — простыня конвертиком и верблюжье одеяло. Отливает свежевывстиранной синевой наволочка подушки.

— Н-да! — процедил Славик.

— Да! — отвечивал провожатый. — Постель осталась такой же. С прадедовых времен. Подушка, одеяло, простыни. И ничего лучшего взамен не придумаешь.

— А наверное, и придумывать-то не надо. Хорошая штука постель.

— Вот и я того же мнения. Люблю поваляться после работы. Поверх одеяла, нога на ногу. Смак! Зато насчет пищи игорева цивилизация могла дать фору какой угодно другой. Далеко вперед ушла, как и в освещении помещений. Это Чунасоцкий понял, когда Игорь принялся кормить его. Со страдальческой миной на лице он надорвал цветной пакетик и вывалил перед гостем жалкую кучку сухарей. И сам еще раз поморщился.

— Насыщайся!

— Этими-то сухарями?

— Этими, этими. Ты знаешь, сколько в этом пакетике калорий? Восемь тысяч. Дневная норма пахаря, шахтера или кузнеца. Попробуй, попробуй!

— А сам-то что не пробуешь?

— А-а... я потом... — вяло отмахнулся Игорь, и опять его скривило. Видно было — сухари эти достали звездоплывателя, вот уже где сидят.

Славик осторожно взял один из сухариков.

— Ого! Как шоколад. Ой, нет, как сливочное масло. Так? Пирожное?

— Близко к этому. Возьми другой кусочек, потемнее.

— Хлеб. Натуральный черный хлеб.

— А теперь сложи эти сухарики вместе и ешь, как бутерброд.

Славик с удовольствием начал уписывать за обе щеки необычный бутерброд, и в это время от окна-иллюминатора, раскрытого по случаю африканской жары, легла тень. Чунасоцкий обернулся и чуть не выронил оба сухаря — на них, именно на эти сухарики, смотрел, просунув косматую морду в круглое оконце и плотоядно облизываясь, царь зверей. На самого обладателя бутерброда лев не обращал ни малейшего внимания, хотя вполне бы мог достать его могучей лапой и слегка скальпануть.

Зажмурившись от страха, Славик немедленно метнул бутерброд в пасть зверю, который сглотнул подачку не глядя, как муху.

— Ты что это, Горюша, — попенял Игорь, — пищу у гостей отымаешь. Разве тебе в корыте мало!..

Зверь стыдливо потупился в первый момент, но затем все же поднял морду и, виляя на собачий манер мохрой хвоста, преданно уставился на Игоря.

— Хо-очет, Горюнчик, хо-очет, чтобы его погладили! — засюсюкал тот и начал активно гладить льва, тереть его за ушами. Лев мурлыкал от удовольствия, счастливо закатывал глаза и вытягивал шею под ладо-

ню. Ты думаешь, он за куском пришел? За лаской. Так ведь, Горюшка? Лев выкатил утробный рык — согласился. Он теперь уже с лапами протиснулся в окно и, вытянув перед собой обе лапы, стал внимательно вслушиваться в беседу. Громадная, карломарксовская грива придавала зверю вид ученый и мудрый. Славик на всякий случай отступил от окна. Вспомнилась картина, которую видел давно, а фамилию художника не запомнил. Картина называлась, кажется, "Детство Земли". Там на цветущем лугу, на опушке девственного леса мирно, всем сообществом паслись, гуляли звери: зайцы, антилопы, рыси. И на переднем плане, задрвав лапы, валялся среди цветов гривастый лев. Мечтательно запрокинув голову, он безмятежно вглядывался закатившимся оком в счастливую синеву. Лев мечтал, по-детски мечтал. Теперь это детство Земли Чунасоцкий видел наяву. Время от времени лев, точно усваивая разговор беседующих, некоторые его положения, озадаченно почесывал лапой за ухом. Чему-то усмехался, потихоньку хихикал, паразит. А то настораживал уши и рычал, оглядываясь назад, на улицу. Славик потихоньку подошел к другому иллюминатору и выглянул. Прайд — шесть или семь безбородых львиц, вытянувшись в рост, отдыхали на песке. Гарем расположился по ранжиру всего в полушаге от металлической колоды, обильно заваленной как раз теми сушками, какими только что отобедывал Славик.

— Что? — рискнул вступить в беседу Чунасоцкий. — Гурозко тебе с ними, брат?

— И-и-и! — простонал лев и жалобно покрутил косматой башкой, что, вероятно, должно было означать: и не говори, братан, как непроворно.

— Горюет все по ночам, вот Горюном и прозвали, — пояснил Игорь.

— Что так?

— Антилоп нет. Антилоп им не носит, вот и выхаживаются над ним, как хотят.

— Что, антилоп на планете нет?

— Есть. Но туда идти надо. А он не хочет уходить отсюда. Интеллектуальный зверь. Ласка и беседы Горюше гораздо важнее пищи! — Игорь потрепал гривастого интеллектуала. Тот сурово воззрился в потолок. Скоро, однако, он ушел к семье. Уже вечерело, когда прайд, уныло выстроившись вдоль колоды, начал брезгливо ужинать, должно быть, ненавистными сухарями. Игорь ушел. Оставшись один, Славик должен был обмыслить все увиденное. Надо было лечь в постель, закрыться с головой одеялом и хорошенько обо всем подумать. Мысли роем вились в голове, особенно насчет Влада. Но прежде всего ему хотелось решить одну задачку: на чем это, на какой такой завалинке стоял за окном лев?.. Он высунулся из иллюминатора. Все верно. Внизу под окнами проходил мощный бандажный обод. Как у игорева модуля. Кажется, обод потихоньку вращался туда-сюда, поскрипывая, как незапертые ворота. Обод был из серебристого металла, как та находка на реке Вашке в Коми... Обод вокруг модуля и обод вокруг

звездолета. Эврика! Кажется, он начал догадываться. Принцип юлы. Этот обод бешено раскручивается и... "тарелка", звездолет теряют вес. Мало того, вес приобретает отрицательную величину... Включается система магнитных полей и — лети куда хочешь...

Как все просто...

Реанимация Влада

Проспал он долго. Сны... Виделись ли ему сны? Пожалуй, нет. Всю ночь как будто играла музыка, легкая, необременительная, вроде "Танца маленьких лебедей". Или — как бы журчали ручьи, приглушенно шумел, пересыпая листву, березовый лес, оглашенно гомонили птахи. Сияли облака. Он проснулся бодрым и свежим. В комнате витал неведомый аромат. Самые изысканные духи, номерная "шанель", наверное, показались бы помойной вонью по сравнению с этим ароматом. Вчерашних сухарей на столе не было, стояла ваза с янтарными антоновскими яблоками. Так вот чем пахло! Умывшись, Славик сел к столу, и тут вошел Игорь.

— Завтракай! — бодро сказал он. — И пойдем к Владу в гости.

— Как? — ахнул Чунасоцкий.

— Да-да, живой. Еще не вполне, но через пару дней будет в норме.

Игорь, улыбаясь широко, как на свадьбе, развел руками: ничего, дескать, не поделаешь — есть такое! Было видно, что ему приятно сообщить эту новость.

— Интересно...

— Что именно?..

— Да вот думаю, интересно будет спросить, как душа его тело покидала. Мчалась ли по тоннелю на какой-то свет, говорят, бесподобно чудный, достигла ли этого света. Или не было никакого света...

Игорь задумался.

— Не знаю... Не летал. Хотя реанимации подвергался. Но... мы сейчас же его и спросим.

— Фу! Даже яблоки есть неохота. Идем скорее.

В реанимационной комнате, битком забитой неведомыми приборами и пультами, как ни в чем не бывало возлежал на тахте, облокотясь о подушку, полуголый Влад. Он листал какую-то массивную книгу. Мелькнуло золото обложки — "Атлас звездного неба". Изумлению Славы не было предела. Еще более изумился он, не заметив на животе Влада никакой раны напротив печени. А ведь как раз там должно быть отверстие от пули, одной из двух. Не может быть. Такого не может быть, потому что не может быть никогда.

Он потихоньку спросил об этом Игоря. «Восстановить ткань — не самая сложная задача, — пояснил тот. — Это и на Земле могут. Например, те же филиппинские хилеры.» Да, да, пора уже перестать удивляться. Удивляться, однако, было чему: воскресший мертвец был тот, но в то же время и не тот. Какой-то "как девочка после аборта, пустой и притихший

весь" был Влад. Какой-то благоуспокоенный, если не сказать точнее: оравнодушневший. Странное дело: два друга, два ближайших друга стояли перед ним, а разговор не только не клеился, но даже и не начинался. Влад продолжал изучать атлас.

— Вот, Влад... Это мы к тебе пришли. Это Игорь, а я — Слава! — начал, волнуясь, Чунасоцкий, на что Влад вежливо отреагировал:

— Да, я вижу, что это вы, а не Козьма Прутков.

— Ты помнишь, как тебя убивали?

— А меня разве убивали?

— Ты летел куда-нибудь?.. Через тоннель?

Влад сделал напряженное лицо, что-то обдумывая, вспоминая, затем рассеянно оказал:

— Нет, никуда я не летал.

Было трудно дальше оставаться возле реанимированного. Тем более, что тот откровенно показывал, что присутствие посетителей тяготит его. Он зевал и уныло смотрел в сторону, недовольно морщил лоб: оставили бы все-таки одного, такая ведь книга интересная попалась — атлас звездного неба. «Пойдем, — тихонько шепнул Игорь. — Он еще не отошел.» А Владу громко, как слабослышащему, заявил:

— Ну, так мы пошли, Влад...

— Хорошо, Идите, — немедленно отреагировал Влад, продолжая листать альбом.

— До свидания, Влад! — вставил Чунасоцкий.

— До свидания! — автоматически повторил Влад. Они вышли.

— Боже мой! — простонал Славик. — Это ведь уже не Влад, а кто-то другой. Он крутил головой, не в силах скрыть потрясения. Вероятно, Игорь чувствовал себя не лучше.

— Да, он теперь как чистый лист бумаги. Свободен от прежнего запаса памяти и впечатлений.

— И это навсегда?

— Скорее всего.

— Зомби? Манкурт? Стоило ли тогда оживлять?

— Во-первых, в таких тяжелых, почти безнадежных случаях всегда есть риск. Полностью восстановить все мозговые центры никогда не удастся. Во-вторых, ему и не старались восстановить все центры. Были подавлены, вернее, оставлены в покое, опущены, вынесены за скобки отрицательные точки. Те самые, которые, допустим, несут излишнюю агрессивность, злобу, тягу к алкоголю или никотину, зависть.

— Вот уж завистью-то он точно никогда не страдал, — заступился Чунасоцкий. — Ты и сам прекрасно знаешь. И злобным никогда не был.

— Согласен. Но вот эта возбудимость, эта бойцовская агрессивность, особенно под хмельком, все же у него была, что ни говори. От нее, собственно, и пострадал.

— Этого не отнять. Подраться любил. Как где у магазина или в электричке заварушка — обязательно вяжется.

— А сколько раз я его на своем коромысле вытаскивал.

— Каким коромысле?

— А на котором ты прилетел.

— А-а... И все равно... программировать личность!.. Это бесчеловечно. Лучше бы уж восстановили, что было. Чтобы он был именно Владом, а не кем-то другим.

— Увы, увы! — развел руками Игорь. — Я же говорю — риск. Давай так рассуждать: он был Владом там, на Земле. И там его жизненный путь окончился. Его нрав, норы, карма, если хочешь, логично подвели к концу этого пути. Все. Он закончился. Сколь нам ни горько, а приходится согласиться: здесь начинается путь другой человек.

— Прошедший стерилизацию, селекцию, так что ли?

— Сказка про белого бычка или про мочало. Начинай сначала...

— А ты знаешь, — не отступался Славик, — чем пахнет этот отбор, эта селекция! Арийская раса, это вы не проходили?..

— Сла-ава! — укоризненно покачал головой Игорь. — Какой отбор! Какая селекция!.. Вернули к жизни труп, всего лишь...

— Ах, да, труп! — остановил свои порывы Чунасоцкий. — Ну да, конечно, труп. Извини, Игорь, затоковался, как в студенческие времена.

— Ты помнишь, я тебе о старосте говорил...

— Ну да, того селения, которое пролетали... Жницы еще там... До-революционные.

— Верно. Идем!

Кем взят Гагарин

Они прошли в некую дверь и оказались в полукруглой комнате, всю полукруглость которой занимал экран вроде телевизионного, светящийся той же мутной матовостью, что и у обычного земного телевизора. Игорь присел в кресло перед небольшим пультом и начал манипулировать серебристыми клавишами. Изображение на экране возникло сразу, причем такое, что Славик раскрыл рот от изумления — будто прорубили окно на улицу. Экрана как бы и не было, не было неправдоподобно сочных, насыщенных цветов, какие мы поглощаем с японских или южнокорейских телевизоров, была как бы живая натура. Игорь в это время взялся за крошечный рычажок с кнопкой наверху и начал водить им вправо-влево. Туда-сюда задвигалось изображение, мелькнул лев Горюн со своим семейством, металлическая колода, наполненная сухарями. Пошли голые барханы — это Игорь повел рычажком вперед. Вот он нажал кнопку на рычажке, и изображение скакнуло далеко вперед, возможно, на сотню-другую километров, ибо вместо пустыни пошла степь. Ага, принцип управления экраном ясен.

— Дай порулить! — нетерпеливо попросил Славик.
 — А ты знаешь, куда рулить?
 — Да просто так... покатаюсь.
 — Потом. Сейчас некогда. Сейчас я хочу тебе показать кое-что. И кое-кого. Манипулируя кнопкой и рычажком, Игорь дотянул чистейшее, изумительнейшее изображение шириной до четырех метров и высотой метра полтора до средней полосы — боровой, березовой... Свежие, лоснящиеся под солнцем березы с тугими, будто налитыми молочной силой стволами клубились под ветром, пересыпали пробитую золотом листву сверху донизу. В верхушках берез забавлялась сама с собой, ныряла вверх-вниз золотистая с черным окаймлением птица. Иволга. Да, теперь его отвратит от любого телевизора, даже японского — такая чистота.

— Это пленка? — на всякий случай спросил он.
 — Нет. Прямое изображение.
 — Но кто же камеру-то ведет? С такой скоростью. — Игорь рассмеялся.
 — Камера — это бронзовый век. Стелющийся луч. Повторяет рельеф местности, огибает все преграды. Может даже в избу проникнуть. Чем и ценен. С конца этого луча и идет трансляция.
 — Без звука?
 — Почему же!.. Просто звук мне не нужен был.

Игорь щелкнул клавишей, и надо же — наполнил комнату мощный березовый гул — лучший из шумов мира, усыпляющий и успокаивающий, навевающий грезы. Флейтово свистела иволга. Нарядной игрушкой раскачивалась она в ветвях возле своей прочно плетеной корзиночки. "Наверное, здесь и о той, оставленной Земле, не затоскуешь..." — сжалось сердце у Славика. Игорь повел рычажком влево, и березовая опушка ушла вправо, через весь экран пошло поле, заставленное суслонами снопов. А вот и знакомые жницы — в вечном, так хорошо знакомом поклоне полю. Вот одна из жниц расклонилась и, зажав меж колен нарезанный серпом пучок колосьев, начала крутить свясло — поясок, которым она подпояшет пучок, превратив его в сноп. Снова сжалось сердце у Славика — эту ли работу ему не знать. В сырые лета, когда комбайны в поле буксовали и хлеб убирали вручную, мать водила его, шестилетнего мальчугана, на жниво, и он помогал ей крутить эти самые свясла. Стелющийся луч приблизился к самим жницам — можно было даже различить морщинки на лицах. Впрочем, какие там морщинки! Жницы были на подбор полнощекие, классически-румяные, с искорками в глазах. Кустодиев был бы доволен натурой. Женщины дружно и слаженно, как на киносъёмках, пели. Что-то долгое, протяжное. Чунасоцкий вслушался: вроде бы русская песня, а невозможно понять ни слова. Может быть, украинскую думку поют жницы, а возможно, и скандинавскую сагу.

— Не старайся, все равно ничего не поймешь. Это особый язык — синтез лучших индоевропейских языков.

— Вроде, некоторые слова угадываются...
 — Да. А грамматика проще, чем в английском.
 — Что, как сказал "дог", так во всех шести падежах и есть "собака"?
 Так, что ли?

— Именно. Никакой тебе собачины. Как вспомню эти уроки русского языка, склонения, спряжения, так кожа мурашками покрывается... Поехали, однако, дальше. Они тут же вплыли по полевой дороге в опрятное сельцо, чем-то даже, возможно, крестами над каждой крышей, смахивающее на буколицу. Посередине этого селения красовался казенного вида домик. Впрочем, ничем этот домик не отличался от других, казенности только и было: свекольного, привычного землянам цвета вывеска с единственным словом, выведенным готическим колючим шрифтом.

— «Матрикария» — прочитал Чунасоцкий. — Что обозначает это слово? — спросил он.

— «Ромашка». Так селение называется, заодно и община.
 — Так так бы и назвали — "Ромашка".
 — Так здесь ведь не только русские, интернационал. А латынь — мертвый язык, никому не обидно. На крыльце "Матрикарии" сидели и, обняв колени, скучали четыре или пять мужиков. "Все верно, — язвительно отметил Чунасоцкий, — все так и должно быть: бабы в поле в поте лица спины гнут, а мужики на крыльце конторы лясы точат. Только и отличное, что не курят".

— А выпить-то они тут... не соображают?..
 — Ни-ни. Здесь и понятия такого нет. Ни грамма спиртного на всей планете.

— Ни грамма? — сразу упав духом, недоверчиво переспросил Славик.
 — Да. Ни грамма! — с гордостью подтвердил Игорь.
 — А если выпить захочется?

— А если нет ни грамма выпивки, то и на выпивку не потянет. Логично? Зачем эта выпивка? Совершенно она не нужна. Ни с коего бока. Ты посмотри, какие они свежие и неиспитые. Довольные жизнью. Голова не трещит, печень не пухнет. Одно здоровье!

— Так черта ли сидят, муди чешут!
 — А вот сейчас Юра даст им разнарядку, и пойдут.
 — Какой Юра?
 — Смотри.

Стелющийся луч, миновав крыльцо, втек в самую контору, и Славик увидел двух крепко, до чайно-кирпичного цвета загоревших мужиков. Один в утиной жокейской кепочке и звездно-полосатой тенниске сидел за столом, вертел в руках канцелярскую скрепку и на чистейшем русском травил какую-то байку. Почти полстола занимали доисторические счета с облупившимися костяшками, лежала также толстая амбарная книга, а второй мужик, тоже в жокейской кепочке, ученически выложив

руки на стол и упершись в них подбородком, стоял на коленях на полу, влюбленными глазами ел первого, с раскрытым ртом слушал байку. "Вот сидят, в рабочее время анекдоты травят, а мужики там ждут не дождутся разнарядки", — опять было вознегодовал Чунасоцкий, но в это время стелющийся луч из профильного рассмотрения вышел на "фас", и Славик чуть не упал со стула: прямо на него, на Славика, молнией била, лучилась и обвораживала известная на весь мир улыбка.

— Гагарин! — Славик схватил Игоря за плечи, боясь, что тот передринет рычажок и чудо-луч съедет на сторону.

Он жадно всматривался в экран. Шестидесятилетний первый космонавт был непривычно одутловат, степенен и осанист. Наверное, должность накладывала отпечаток. Вот только эта мальчишеская, выплескивающаяся через край улыбка — ее никуда не деть.

Чунасоцкий буквально взвыл от восторга.

— Тише! — поднял палец Игорь, — послушаем, о чем говорят. Что-то интересное...

— ...и вот этот шуруенок... с переломанным-то хребтом, ка-ак сиганет из лодки, а по пути в полете как звезданет ученого хвостом по морде, по очкам. Очки — бульк, и в воду. На дно! — прорывались прежние, пионерски-счастливые нотки в гагаринском голосе. — И сколько мы ни шарили в иле, так и не нашли.

— Здорово этот шуруенок наказал вас! — как перовский охотник на привале, почесал второй в затылке.

— Второго-то не узнаешь? — спросил Игорь.

— Олег!.. Олег Даль!.. Вот это номер! Мой любимый артист! Как они сюда попали?..

— Как и Влад.

— А-а... Понятно. Вот, значит, о чем говорила Ванга! "Он не погиб, он был взят. Вижу его за высоким зеленым забором". Это ведь ее слова. Так выходит, он был вами взят, так?..

— Да.

— И вам не стыдно?.. Не стыдно отнимать у Земли ее достояние? Это же форменное насилие.

— Считаю, как хочешь... Но только ведь мы его не из постели взяли...

— А как?.. Что там произошло?

— Все ваши земные версии врут. Впрочем, одна из версий близка к истине. Даже очень здорово близка. Серегин был гипертоник, ему нельзя было садиться за штурвал, даже во вторую кабинку. А он сел. И в полете случился инсульт. Он, очевидно, умер сразу, упал на штурвал, и Гагарин не смог осилить его тяжесть, вытянуть штурвал на себя. Наш модуль был рядом, вел этот старенький МИГ, но ничем не мог помочь — времени были секунды.

— Ты сказал "старенький МИГ"...

— Ну да... "Не уберегли Юрку, в старенький самолет посадили..." — эти слова Коккинаки я собственными ушами слышал...

— Где слышал?..

— В институте. Коккинаки к нам на встречу приходил.

— Потом расскажешь. Дальше-то что было?..

— Самолет падал. Когда высота была сто-двести метров, наш модуль выпустил луч... ты видел этот луч... ионизация воздуха. Так вот: МИГ протаранил луч насквозь, на какое-то мгновение задержал падение, повис, как на ветке, и этого мгновения хватило, чтобы наш пилот настроился на систему катапультирования первой кабины, где находился Гагарин, и врубил ее. Катапульта сработала, но было уже поздно: парашют едва успел раскрыться перед землей. К тому же Юру задело взрывом.

— Что же он сам не катапультировался?

— Что-то ему мешало.

— Погибай вместе с товарищем?

— Возможно, и это.

— Он был мертв?

— Да.

— И тогда вы доставили его сюда и реанимировали, как Влада?..

— Именно.

— Он тоже уже другой?..

— Я бы так не сказал. Все-таки он к нам попал сразу.

— Слава богу. А Даль у него кем?

— Бригадиром. Бригадир полеводства. Жницами командует.

— То-то они у него поют так слаженно. Игорек, — спросил вдруг Славик, — ты не знаешь, Высоцкий Владимир Семенович тоже у вас? Он ведь матери с того света стихи надиктовывал. Значит, у вас? У вас?

Игорь озадаченно приложил верхний палец к губе.

— Этого я не знаю. У нас я его не видел. Если его искать, то не здесь.

По-моему, он умер. Насовсем. Он там, на Земле, исчерпал себя.

— Как "исчерпал"?

— Ну да. Закрыв свою карму. Больше ему незачем существовать. Он выполнил свое предназначение... Ты посмотри, посмотри на экран...

В контору вошла беловолосая матаня лет тридцати с ладной точеной фигуркой. Сразу точно солнышко взошло. Гагарин поплыл — заулыбался.

— Привет, Олежа! — вошедшая походившая надвинула жокейский картузик на самые глаза Олегу Далю, и тот секунду-другую сидел в таком положении. Затем поправил картуз и тоже поприветствовал:

— Приветик, очаровательная Ниночка!

Нина, обогнув Олега, прильнула к Юрию, приобняла его.

"Вот бы снимочек для газет получился!" — восхитился Чунасоцкий, но в глубине души — точно проволочкой царапнуло — отложилось нечто неприятное. Ревность шевельнулась?

Красавица между тем шепнула что-то на ушко первому космонавту Земли.

— Да что ты! — воскликнул тот и удивленно вскинул голову. Пододвинул амбарную книгу Олегу.

— Олег, справляйся. Сынуля заболел.

— Который?

— Последний.

Игорь, сдвинув брови, внимательно вслушивался в беседу.

— Сколько у него? — прошептал потрясенный Славик, находясь в неприятном ощущении, будто они с Игорем тайно, воровски подслушивают из-под кровати, например. И вот-вот их застанут, разглядят — ведь ощущение присутствия было полное.

Игорь поднял руку со всеми пятью растопыренными пальцами.

— Не хило! — присвистнул Славик.

— И все сыновья! Во — сыновья! — Игорь поднял большой палец. — Если хочешь, посмотрим. Копия Юрий Алексеевич. Заодно и выясним, что с младшим.

— Нет, не надо. Мне и этого выше крыши.

Действительно: будто врезали ниже пояса. От телевизионного путешествия с таким большим экраном слегка кружилась голова. Подташнивало. Кадры на экране теперь вызывали неприятное чувство, проволочка опять царапала. Он еще не мог осмыслить, почему так, но нутром, наверное, уже понимал, что не только новая жена Гагарина лет на тридцать его помоложе, не пятеро его сыновей тому причиной, а нечто иное, более серьезное. "Лучше бы он погиб!" Однажды Чунасоцкий видел жену Гагарина, ту, земную, Валентину. Случайно проходил по Красной площади и увидел зевак у парапета. Не напротив Мавзолея и часовых, а чуть левее. Зеваки зырили через голубенькие елочки под кремлевскую стену, туда, где возле одной из казенных дощечек с надписями хлопотала над цветами женщина в очках. Он подошел. "Жена Гагарина. Валентина", — перешептывались зеваки. Что особенно застряло в памяти, так это вполне обычная внешность вдовы первого космонавта планеты. Никакого форса-шика, никакого лоска. Мрачноватые очки, темный платочек. Зеваки, приехавшие из своих кемеровых и торопцов, зевакали, возбужденно сплетничали, а между тем даже издалека было видно, какое невыносимое горе горбит и плющит эту молодую женщину. Аура этого горя, свинцово-ледяной беды нависала над вдовой и, кажется, даже была видна и ощутима. Поэтому-то и сплетничали полупшепотком, сдержанно, а не всласть, и некоторые женщины молча вытирали платочками глаза, откровенно плакали. Беда, обрушившаяся на страну, была еще свежа, едва выносима. А он, любимец народа, жив и, надо же, здравствует с молодухой, плодит детей.

— Не в курсе дела, о Валентине-то вспоминает?

— Не должен. Он, по-видимому, даже не помнит, что в космос летал. Взрывом его все-таки сильно задело.

— Как же он представляет свое прошлое?

— Так, кое-какие фрагменты вспоминает. В основном, из детства. Он, видимо, считает, что ни на какой Земле не жил, все время был здесь, на этой планете.

— И щурят ловил тут, а не в Клушине?

— Именно.

— Жуть!..

Игорь пожал плечами.

— Скажи, а они чувствуют, что под колпаком? Контачат с вами?

— Только на религиозном уровне. Как и там, на Земле, люди общаются с Богом. Они чувствуют: что-то есть, что-то ведет их, но что — не могут определить, и по старой генетической памяти веруют в Бога. — Игорь нажал красную клавишу, и изображение на экране пропало.

Контакт с высшим разумом

Вот когда ему захотелось выпить. Сильно захотелось. Выпить или принять "колесо" — какой-нибудь анальгетик или транквилизатор. Развел руками на его просьбу Игорь: никаких пив, никаких вин. Ни грамма спиртного на всю планету! Ну и планета! Одно это может какого хочешь добра молодца в такую яму отчаяния и пессимизма загнать, что и не выберется.

— А спирт? Должен же быть для технических нужд спирт?..

— Мы пользуемся другими соединениями. Безнадега, кругом безнадега. И нет сна, и тревога, страшная тревога, как тавро, лежит на душе.

«И придет час и миг, и воды Адриатики покроют ваши улицы, — вещал из средневековой мглы таинственный Нострадамус, — и все обратится в пыль. В пыль и тщету.»

Триста лет на местах ристалищ человеческих будут пылать скорбным огнем маки, и Земля будет изнемогать под ядерной пылью. А потом — первые поселенцы. Интересно, оптом или поодиночке, со всем скарбом и скотом или без оных будут прибывать потомки гагаринских сыновей?.. Они будут свободны от комплексов самопожирания, кровопийства и спеси, и не будет на Земле князей и князьков, дождей, секретарей парткомов и прочих желающих возвыситься над ближним проходимцев... А это значит: не будет на Земле кровавых усобиц, набегов и мордобития, Каина и Авеля.

"Вот тогда-то, наконец, — торжествуя ударял провидец по гомеровым струнам своей лиры, — на Земле и воцарится Золотой век, и продлится он до конца третьего тысячелетия." Разве плохо — Золотой век! Что же ты невесел, мой дорогой друг Чунак? Что же тошнит тебя от этих пробирочных детей, румяных жниц?.. А? Ведь ими кто-то перекидывает

жердочку через ядерный смерч, и по этой жердочке должны перебраться сирые приютские дети...

— Выпить хочу! — тоном капризного ребенка потребовал Чунасоцкий, когда добрался наконец до своей комнатухи и рухнул на тахту с заломленными на затылок руками.

Игорь подсел к нему.

— Не думай! — приказал он. — Перестань думать, и все встанет на свое место.

— Вот для этого я и прошу выпить.

— Вино, вино... Это грубо и некрасиво, к тому же пагубно для здоровья. Есть другие вещи, они гораздо приятнее и эффективнее...

Игорь обещающе поднял палец, заставив Славика выжидательно дернуться на тахте.

— Мне все равно... Лишь бы "забыться и заснуть", как изволили выразиться Михаил Юрьевич.

— Надеюсь "не тем, холодным сном могилы"? — учтиво осведомился Игорь и выдвинул из прикроватной тумбочки некое устройство, напоминающее проигрыватель. Покрутил ручки.

— Вот и все дела. Я ухожу. Спокойной ночи.

Едва за Игорем закрылась дверь, как Славик точно в яму провалился.

Проснулся на другой день, и — удивительное дело! — никаких вчерашних неприятных ощущений. Голова чиста и ясна, черные мысли о пробиросных детях не нависают так мрачно, а маячат где-то далеко-далеко, как бы за непроницаемой стеной. Да в общем-то и нет их, этих мыслей. Улетучились, испарились. Все тело — как заведенные часы — наполнено свежей силой. Мир, сверкающий за иллюминатором, дорог и близок. Славик любит его каждой клеточкой, и хочется сделать что-то хорошее, и не за горами то хорошее, с чем он непременно должен встретиться. Давно же, давненько не испытывал он таких ощущений, какие всякий человек испытывает, например, в первый день отпуска или перед увлекательной поездкой, встречей с другом... Вошел Игорь. Он только раз взглянул и все понял.

— Молодцом! — коротко одобрил он и как-то особенно внимательно оглядел Славика с ног до головы, точно примерялся. Сел рядом на тахту и сложил руки в замок. Христов, объятый думой...

— Что-нибудь случилось?

— Да нет, ничего, Слава, не случилось... Послушай меня внимательно.

— Слушаю, Игорек!

— Сейчас ты пройдешь в одно место и пробудешь там... столько, сколько тебе нужно.

— А что это за место?

— Не буду тебе ничего говорить, все узнаешь и все поймешь сам.

— А я что?.. Обязательно должен пойти в это место? Игорь помедлил с ответом:

— Вообще-то ты ничего не теряешь. А приобрести можешь многое.

— А Влад там был?

— Влад там был раньше, до убийства...

Они пошли коридорами, как показалось Чунасоцкому, по одной из "спиц" к "втулке", к центру корабля, возвышавшемуся, как уже было сказано, остроконечной башенкой. Вот в эту церковку-башенку они и поднялись по ступенькам. «Ну!» — торжественно и даже слегка взволнованно произнес Игорь и, как бы шутя, придавая значительность моменту, перекрестил Чунасоцкого. — Ступай! Славик вошел в эту шестиугольную башню, пирамидой уходящую вверх, и остановился. В башне не было ничего: ни мебели, ни иллюминаторов, ни светильников. И все-таки в ней было светло, как днем: светились, как и везде по кораблю, стены, только свет здесь был во много крат ярче, пронзительней, и не синеватый, а золотистый, солнечный, будто стены были выложены из золота. Некая сила помимо воли заставила пройти Славика вперед и поставила в середине комнаты, точно под куполом. С этой минуты он почувствовал, что не волен в себе, что им руководят, его рассматривают чьи-то испытующие глаза. В следующее мгновение он ощутил невероятную тяжесть в плечах, спине, голове, как будто его обвешали тяжеленными рюкзаками. Эта тяжесть дико гнула к полу, было желание рухнуть и растянуться, однако колени упорно не сгибались, держали. Потом стало отпускать. Рюкзаки один за другим сбрасывались с плеч, он, как подкинутый на качелях, стал быстро терять вес. И вот как бы уже ничего и не весил, ни грамма, парил в воздухе. И сама комната эта шестигранная, с основанием в виде звезды Давида пирамида перестала существовать — отовсюду бил густо-солмоленный свет, и он плыл в этом медовом свете. Начался контакт с кем-то или чем-то, чего не было видно, но чье присутствие явственно ощущалось. Контакт происходил телепатически, но было полное впечатление, будто фразы произносятся вслух. Станный получался диалог, очень странный, местами алогичный и зашифрованный, похожий на путаную головоломку или даже абракадабру.

— Мы избрали тебя.

— Для чего вы избрали меня?

— Чтобы показать мир.

— Кто вы?

— Мы — это Мы. Мы скажем тебе все, когда придет время. Оно еще не наступило. Но оно придет, придет то, во что вы верите, что есть ваша надежда. Мы любим человеческую расу. Мы пришли, чтобы помочь вам, ибо человек находится в поисках собственного разрушения. Алчность — из-за нее творится все зло на Земле. Человеку было дано все, стоило протянуть руку. Энергия вокруг вас, и вы не знаете об этом: воздух, которым вы дышите... вода, которую пьете... огонь, который согревает Землю... который исцеляет. Это основы. Многие разгадки скрыты в них,

в природе огня и пепла — в самом высоком высокого и низком низкого содержатся многие ответы...

— Как их получить? — дерзнул спросить Чунасоцкий. Ответ последовал незамедлительно:

— Было бы слишком просто указать вам на эти ответы, это только бы лишний раз подтвердило вашу несостоятельность — вы недостойны их получения. Если вы их получите, вы сотворите еще большее Зло, вы погибнете еще скорее и вернее.

— Остается ли хоть малая капля надежды?

— Остается. Дух. Только через познание себя человек придет к мудрости и знаниям. Знания можно приобрести только через дух, и те, кто достойны, получают их... Те, у кого чистое сердце, кто ищет со всей силой своей честности, получают их. Но они должны будут скрыть эти знания из-за разложения, охватившего Землю, алчности, охватившей человечество. Если они выдадут эти знания, человечество воспользуется ими...

— Но есть ли хоть капелька надежды на спасение? — внутренне взмолился Чунасоцкий, повторяя вопрос.

— Мы собираемся прийти на Землю. Человек будет бояться нас, многие будут потрясены, иные нечистые люди покончат с собой. И все же многие не будут бояться, ибо преодолеют страх. Мы заложили тайные знания в мозги сотен тысяч людей, отныне мы закладываем эти знания и в твой мозг. Но они будут лежать тайно. Они станут явными, когда придет время...

— Время придет, когда придете вы?

— Да. Оставлять вас наедине со знаниями невозможно.

— Что же нам делать?

— Искать.

— В каком направлении?

— В том, которое было дано вам. Мы поможем вам собрать отдельные части головоломок, которые будут точно соответствовать...

— Чему соответствовать?

— Двери... Она остается открытой для вас, и эта великая дверь выведет вас.

— Куда?

— В другой мир. Мир, в котором свет.

— Такой, как в этой комнате?

— Нет, другой. Который — жизнь.

— Существует ли время? — чувствуя, что тело опять наливается тяжестью, контакт, стало быть, подходит к концу, поспешил задать Чунасоцкий самый главный, постоянно мучивший его вопрос.

— Время для нас совсем не то, что для вас. Но мы знаем и ваше время. Мы можем повернуть время обратно.

— А вы можете видеть будущее? Например, как Ванга?

— Отчетливо. Мы сами наделили Вангу этими способностями. Чтобы она помогала людям.

— Только одну Вангу?

— Нет, еще многих...

— Я хочу спасти человечество.

— Мы знаем.

— Мне удастся убить его?

Это будет зло. Будь мудр. Твое время еще не пришло. Таков был последний ответ. Славик хотел повторить вопрос, но тут же почувствовал, что его уже никто не слушает. Контакт завершился. Тело опять обвешали рюкзаками с булыжниками. Это состояние, однако, длилось недолго. Солоненный свет погас. Остроробрая башенка приобрела прежние очертания. Как бы сама собой открылась дверь. Игорь ждал его у порога. «С кем я говорю?» — опросил потрясенный, пьяно пошатывающийся Славик. «Об этом лучше не спрашивать. Голова болит?» «Начинает. И, кажется, сильно...»

— Будет болеть около десяти дней.

— И таблетки не помогут?

— Ничего не поможет. Ты должен это перетерпеть. Это плата за контакт. Ничего ведь, знаешь, за так не дается...

— Я должен остаться один. Совсем один. Должен осмыслить все это. Должен.

— Пожалуйста, тахта к твоим услугам. Пойдем, ради такого случая я тебя даже угощу.

— Пивом? — с жаром и надеждой вскричал Чунасоцкий.

Никто не знал, как его в эти минуты мучила, кроме головной боли, жажда. И хотелось не каких-то там крюшонов или квасов, а именно пива. Пенистого, холодного пивка. Свежайшего. Где ты, милая пивная точка, киоскишко на пустыре, в лебеде, в репье, бревнышко, на котором терзаются плавленные сырки и сушеная рыбка, толстуха Зинка у бочки в халате, обручем перетягивающем ее?.. Ау!

Карма и кара

Ах, пиво, пиво! Трель соловья в апрельском лесу! Пурпурный луч холодного заката! Поцелуй королевы! Игорь принес жестяной допотопный бидончик литра на два, в каких в деревнях прежде хранили керосин. Но оголовок у бидончика был вполне современен: со сверкающим сифоном, трубкой и замысловатым мундштуком. Потирая руки, с ногами забравшись на тахту, как завзятый кальящик, он нетерпеливо засунул мундштук в рот, приготовился ловить кайф. Но едва он нажал никелированный рычажок, как в мундштук, точно из огнетушителя, хлынула и сразу же забила рот клейкая мылящаяся пена. Чтобы не захлебнуться, Славик сглотнул. Боже, пивом и не пахло. Вкус фруктового мармелада,

кваса, крем-брюлле, еще какой-то душистой, как мыло, дряни. Вытаращив глаза от неожиданности, питух выронил мундштук на одеяло. Дырка в мундштуке продолжала пузыриться. Крутенько! Не ожидал он такого подвоха от Игоря! Не зря тот сразу выскочил из комнаты, а то так бы и окатил пенистой струей. Во рту противно толклась, расплзалась по всем щелям, дуплам и углам эта самая парфюмерная клейковина. Что делать?.. Надо срочно прополоскать горло. И в это время заглянул на огонек, на очередной контакт с ним, инопланетянином, пребывающий в сплине лев Горюн. "Вот кого, — мстительно зашевелилось в мозгу, — мы сейчас и угостим". Он протянул мундштук льву, и тот охотно взял его в зубы, начал деликатно разгрызать. Славик предательски нажал сифонный рожок. Лев вполне управился с бурно хлынувшей пеной, в одно мгновение заглотил мундштук как можно глубже и начал с причмокиванием сосать. Даже глаза, паразит, от удовольствия закатил, и лапой замахал, как человек: давай, мол, гони, пожарный, дави, нажимай! Что-то дрогнуло и сдвинулось в головной коре Славика: авось вещь действительно замечательная, а он просто не расчихал. Потянул было за трубку, отымая лакомство у животного — не тут-то было. Мундштук лев держал крепко. Мало того, он так мотнул головой, что бидончик, как волейбольный мяч или как курица, вылетел из рук Чунасоцкого и приземлился, если можно так выразиться, прямо на подоконник. Лев тут же приватизировал, пригвоздил бидон лапой, а другой лапой, не дожидаясь подмоги, сам нажал на рычажок. То-то забалдел. Внизу, под окном, завыли, заурчали львицы — им тоже хотелось отведать того, чем тешился глава семейства.

При виде балдеющего льва голова заболела еще сильнее. В безнадежном отчаянии Славик обхватил ее руками, как кувшин или вазу, и рухнул лицом в подушку. По дурной, закоренелой привычке там, на Земле, когда у него болела голова, он всегда ходил на пустырь пить пиво. Эх, времена! Бывало, сядешь на бревнышко с ребятами, солнышко светит, воробы, как мячики, скачут среди окурков. Ничего не надо! Раскрошишь рыбку, помочишь в пиве... А можно и не мочить. А пиво-то, пиво-то!.. Свежайшее, холодноватое, темного цвета и хмелем, настоящим лесным хмелем стрекает в нос. Грызешь жирную чехоньку, попиваешь мелкими глоточками. Захочется еще — подойдешь с кружкой для повтора. Сколько угодно пей! Тут и поговоришь на бревнышке, о чем следует — настоящий клуб. Майский день, именины сердца!

— Э-эх! — издал из недр подушки полузадушенный стон-воплъ Чунасоцкий, и в это время с воблинкой в руке вошел Игорь. Было острейшее желание запулить в сотоварища подушкой, но тут Игорь нанес ему второй, еще более сокрушительный удар — под самую печень.

— Эх ты! — весело хлопнул он Славика по заднице. — Горюшка сейчас все твое пиво выпьет.

— Какое пиво! — промычал Славик в подушку. — Там пена какая-то, парфюмерия...

— Голова ты, голова! — пожурил Игорь. — Так ведь у пива-то на Земле тоже пена. Там ты ее ртом сдуваешь, а здесь надо было сбросить в раковину. И там такой ядреный квас, какого тебе еще и не приходилось пробовать.

Чунасоцкий дернулся, как укушенный, и сразу сел.

— Ты сказал "пиво"? — с надеждой воззрился он на Игоря.

— Ну пиво, квас, у нас нет такой точной градации. Нечто среднее.

— А градусы в нем есть?

— А куда денешься! — развел руками Игорь. — Раз квас — значит сброжено, а если сброжено, значит, и градусы есть. Тут уж куда не денешься. Тут уж никакой Лигачев не вмешается.

— И много? — живо заинтересовался Славик, с тоской оглядываясь на льва.

— Два-три будет. Если не четыре.

— Четыре! — воскликнул Чунасоцкий и, сверзившись с тахты, начал подкрадываться ко льву.

Горюн, чужая попользование, усиленно заработал лапой, панически нажимая на рычажок. Напиток, однако, от этого не стал поступать быстрее, а даже наоборот, прерывисто. Лев недовольно прорычал и сполз вместе с бидоном от набежавшего Чунасоцкого вниз, под окошко. Там львицы вцепились в бидон, заклацкали по нему зубами, закатали. Случилась страшнейшая семейная свара, было явственно слышно, как несчастный бидон, уже, вероятно, с оторванной трубкой и мундштуком, гулко колотится о борт звездолета.

— Неси второй! — потребовал Чунасоцкий.

— Увы! Второго нет. Этот-то с трудом отыскал в чулане, под грудой рухляди. Болит голова-то?

— Еще как. На разрыв! — Славик с тоской прислушался к шуму за окном и вдруг крепко стукнул себя кулаком по колену. — На Землю хочу. Хочу домой!

И уставился на Игоря. Глаза в этот момент у Славика были, как у Мадонны: моляще-просительные, болящие.

Игорь хлопнул его по другому колену.

— Скоро полетим. К Владу не зайдём перед отлетом?

— Ты знаешь, — Славик медленно-медленно покачал головой, — что-то не хочется. Ведь это же не Влад, а только живая фотография, голограмма его. Издалека разве что... проститься.

— Ну, там посмотрим. А ты знаешь, отчего они головную боль устраивают?

— Ну?

— Чтобы стресс от контакта снять. У тебя болит голова, и тебе не до сути услышанного. Контакт как бы на второй план отходит. И таким образом за десять дней свыкаешься с тем, что услышал.

— Это они тебе объяснили?

— Нет, это мое предположение. Кстати, что они тебе сказали насчет твоего теракта? — Чунасоцкий повел носом в сторону, долго молчал.

— Понимаю — не одобрили. Этого и следовало ожидать. Я так и думал. Они не любят сомнительные средства, всякое насилие. У них другие нравственные императивы.

— Но цель! — нервно вскинулся Чунасоцкий, прислушиваясь, как грызутся львы за окном. — Цель-то в данном случае вполне и даже больше, чем вполне, оправдывает средства.

— Ты убиваешь — значит, прерываешь чью-то карму. И это бумеранг, который бьет по твоей карме, изъязвляет ее, делает изъян. Нарушается естественный ход твоей жизни, то бишь упомянутой кармы. Ты наступаешь на горло своей карме, насилуешь ее, поэтому...

— Что "поэтому"? — заносчиво вскинулся Чунасоцкий.

— Поэтому готовься к испытаниям.

И тут уж Чунасоцкого прорвало, что бывало с ним крайне редко. И понесло:

— Да разве ты не видишь, что я уже готов. Не видишь, что я уже плюнул на себя. Разве во мне, мошке какой-то, дело? Человечество застыло перед прыжком в бездну, а ты — "карма, карма". Да плевать я на нее хотел! Жить, как раньше жил, шлепать каждое утро на работу за сто двадцать тысяч и высидывать там ровно восемь часов — ни минуты меньше, ни минуты больше — под конвоем — хороша карма! Да я вот как только сорвался с места, вырвался из этого почтового ящика, такие крылья сразу обрел!.. Такую женщину повстречал!

— Верку, что ли?

— А хоть бы и ее. Баба — черт. А там так бы и жил, существовал, как амеба. Нет, я теперь так жить не смогу. Да может быть, в этом и есть моя карма — жить вот так, как я сейчас живу. Так, а не иначе. Может быть, это, а?.. Раз так получилось, значит, так и должно получиться. Значит, это и есть моя, не к ночи будь помянута, карма. Что же, ты считаешь, мне следует отказаться от своего замысла? Вернуться на круги своя?

— Я, Слава, не экстрасенс. Это их, экстрасенсов, задача "убирать камни с дороги" и "переводить стрелки на запасной путь". Решай сам. Я вот только думаю, чем бы тебе помочь. Нет-нет, не в теракте, а так, по жизни...

Славик что-то вспомнил, глаза его загорелись. Он схватил Игоря за рукав.

— Маячок. Вот у меня маячок. Датчик, оставшийся от Влада! — Славик торопливо нашарил в нагрудном кармане кобальтовый квадратик и протянул Игорю. — Вот, возьмите.

— А тебе не жалко с ним расставаться?

— Жалко. Очень. Если бы можно было мне его оставить... Игорь подкинул пластинку на ладони.

— Я справлялся по этому поводу. В принципе возражений нет. Одно условие: по карманам такую вещь таскать нельзя. Запрещено. Нужно шить.

— Я готов.

— Тогда нет вопросов. Влад здорово навредил себе, расковыряв датчик и засунув его в один из карманов. Мы бы раньше узнали об его ранении и, возможно, столько центров не погибло бы. Пожалуй, он бы остался прежним Владом. А теперь, — развел руками Игорь, — сам видишь, что осталось...

У львов было тихо. Горюн, подмявший лапой покореженную и, надо думать, уже порожнюю жестянку, самодовольно смотрел за пески, на горизонт, был похож на изваяние, на Сфинкса, а львицы, улегшись у его ног в кружок, благоговейно взирали на своего господина.

— И-эх! — издал слабый звук Чунасоцкий, но Игорь услышал.

— Ладно! — сказал он с веселой решимостью и поднялся. — Идем на кухню, там расковыряем сейчас автоклав, черпанем ковшечек-другой. Обойдемся, думаю, без сифона.

— Конечно, без сифона, — эхом отозвался Чунасоцкий. — К черту этот сифон! Без сифона-то оно еще лучше.

Секс только по-рабоче-крестьянски

Там, на чужой планете, уже круглилось, бугрилось купами берез, прошивало листву первым золотцем позднее лето, уже начинали жать, а здесь, на милой и ненаглядной Земле-землице подступали только майские деньки, когда "лист в копейку, отлично для тяги..." Был именно "майский день, именины сердца", когда Чунасоцкий с полной сумкой пива "Мартовское" — на дне сумки лежал еще и "Макаров", — со связкой воблы на локте входил во 2-й Обыденский переулок. Час назад, в раннюю рань, модуль приземлился на Фрунзенской набережной, приземлился несколько неудачно, так шлепнулся о мостовую, что на асфальте сделалась вмятина глубиной с полметра. Теперь, наверное, гаишники устанавливают ограждение и ломают головы: как могло такое приключиться, отчего это, а?.. Саму тарелку никто не видел. Кстати, приличный удар об асфальт обошелся без последствий: амортизация была такова, будто в копну соломы сели. Несмотря на раннее утро, в квартире Полины Семеновны пировали. В три часа ночи примчался запыхавшийся, вне себя от радости академик Сокиро-Катайгородский и вывалил на стол перед глазами перепуганных и изумленных женщин стопку серебристых книжек с плакучими березовыми ветвями на обложках. Цифры "I" и "II" золотились на корешках. Двухтомник назывался "Жизнь и свет".

— Ой! — воскликнула Полина Семеновна, хлопнула, как девушка, в ладошки и кинулась целовать счастливого Степана Бернгардовича.

— Ну, будет, будет, Поля! — смущенно отбивался тот.

Верка притащила из своих запасов бутылку коньяка, и тут же все сели отмечать. Степан Бернгардович был в ударе: выпив стопку, на-

чал зачитывать слушательниц стихами. Умиленная Полина Семеновна не сводила с него глаз.

— Классика! — смачно хвалила Чайка Адриатики и бурно аплодировала.

Черемуха моя весенняя! Ну как тебя мне не сорвать! Кудрями милого Есенина Закрыла ты мою тетрадь!

Именно эти стихи о безжалостном обрывании весенних цветущих ветвей и декламировал с пафосом помолодевший Степан Бернгардович, когда, ко всеобщей радости, на пороге объявился наш летун.

— Пропаду-унчик! — фальшиво пропела уже находящаяся под градусом Верка. Приобняв путешественника, она повела его к столу. Снятие связки воблы с локтя и выставление на стол батареи темного "Мартовского" сопроводились такими ахами и охами женщин, что звезда поэта Катайгородского немедленно начала меркнуть. Однако Степан Бернгардович не дал ей вовсе потускнеть-заолодять. Он, учительльно подняв палец, громко провозгласил:

— Пиво — это вред! Жидкая смерть. Для почек. Камни, вот такие камни образуются! — Маэстро от гигиены ужасающе округлил глаза и наглядно показал скрюченными руками, какие могут объявиться камни в почках. Но моралиста-гигиениста тут же сбил с толку в Степане Бернгардовиче неразумец-поэт: служитель муз как впился в связку с таранью, так, потеряв-потеряв ее, вырвал-таки из вороха самую крупную рыбину. Запрокинув серебряную бородку, молодецки гикнув, 87-летний Сокиро с маху засадил из горла всю бутылку "Мартовского".

— Вот тебе и камни! Вот тебе и почки с печенью! — ахнула Полина Семеновна, хлопнув руками по подолу, и все засмеялась. В общем, было весело. Немного отдышавшись, справившись с таранью, виновник торжества опять приступил к декламации. На этот раз — персонально для Славика, только к нему обращаясь. И стихи прочел, причем не какую-то там приторно-медовую, сиропную лирику, но сугубо мужские, жесткие стихи:

Выйдешь, как весной на токовище!

Да как вдарить!

Да как вдашь!

Это же такая красотища!

И не скажешь! И не передашь!

— Как? — тут же осведомился он у Чунасоцкого.

— Крепко! — отвечивал тот по-мужски.

— Степан Бернгардович, — поспешила сообщить Полина Семеновна, — в молодости ведь еще и ловцом зверя был. Охотником.

— Видно, видно.

— Однако, — обратилась хозяйка, — не пора ли Славоньке объяснить, где он был-пропадал. Больше недели. Веренка вон изошлась. Каждый день: "Куда пропал, где?"

— Да, — вмешалась Верка. — Куда это ты пропал из Феодосии? И как пропал? Может, расскажешь? Даже друга не остался похоронить.

— Как похоронить? Вы разве кого-то хоронили?

— «Кого-то». Влада мы похоронили. Чин чином. А ты вот куда пропал? Э-эх ты!

— Вы похоронили Влада? Вы точно уверены, что его похоронили?

— Ну ты даешь! Какое может быть сомнение!

— Да нет... это вы даете! — хмыкнул Чунасоцкий и тут же прикусил язык. Говорить что-то дальше — смутить всю компанию, испортить праздник. Да и не поверят. Да и зачем из кожи-то лезть. Да и вообще ни к чему болтать лишнее.

Верка, очевидно, поняла это и поспешила переменить тему:

— В восемь часов собираемся и идем смотреть памятник.

— Какой памятник? Кому? — спросил явно поотставший от земных новостей Чунасоцкий.

— Степану Бернгардовичу! — не моргнув глазом, сообщила Полина Семеновна.

— Как! Уже! — ахнул Чунасоцкий, пораженный неожиданным оборотом дел.

— Степан Бернгардович, — кротко пояснила хозяйка, — сам заказал себе памятник. На будущую могилу.

— Неужели?! — опять воскликнул Чунасоцкий и во все глаза воззрился на поэта-гигиениста.

— Что подделаешь! — философски развел руками Степан Бернгардович. — Пример египетских фараонов, начинавших строить пирамиду для себя еще со младенчества, не дает покоя. Проживу последние годы в утешении, что не стану горшочком с пеплом, который можно опустить в мусоропровод, а будет свой клинышек на земле. И это вот...

Сокиро любовно погладил стопочку книг.

— И памятник поэту будет стоять в блаженной тишине Ваганькова, бок о бок с узорным крестом Владимира Ивановича Даля. Да, да, тем самым, которому Наталья Николаевна подарила простреленный сюртук мужа. Там мои родичи, там верхним этажом и лягу. И Полина Семеновна обещалась водрузить этот памятник, так ли, Поленька? При свидетелях, Поленька, говорю, теперь не откажешься уж... — несколько заискивающе прокосоязычил поэт.

Полина Семеновна усмешливо качнула головой, а Верка затараторила:

— Что это вы, Степан Бернгардович, так рано себя хороните!.. Давайте, я вас посмотрю. Подлечим... Но в это время часы пробили восемь, и все начали собираться на смотрины памятника. Из зеленоватого, крупнозернистого камня Степан Бернгардович вылезал по плечи, причем плечи были, кажется, голыми, как у какой-нибудь римской или греческой скульптуры, скажем, у бюста Цезаря или Ювенала. Голова апостола позднего секса

была повернута несколько вправо, соколиный взгляд устремлялся в далекие, одному Сокиро видные дали и горизонты. Вождистский взгляд, ничего не скажешь. Полками бы командовать Степану Бернгардовичу с такой позой, турмями и когортами, как Цезарь, а не валандаться в сонной гавани под названием гигиена. Ощущалось, однако, будто чего-то недостает памятнику, как бы недоделан он, оскоплен: так и просилась на зады бюста, к самому затылку уважаемого человека белогрудая мраморная gloria или муза с крылышками, которая бы, благоговей, опускала мраморный лавровый венок на чело поэта. Ах, как не хватало этой голой женской фигурки.

— Роток-то, роток-то! — простодушно показала пальцем Полина Семеновна. — Чисто у ельчика. Скобочкой. Ну до чего похож. Вылитый вы, Степан Бернгардович, чисто живой.

— Самому Букину заказывал! — скромно отозвался прототип.

— Вот теперь память так память о тебе будет. Придут на могилку, как к Есенину, а ты — тут. Вот он я, любуйтесь.

Примечательной была и эпитафия, высеченная и выведенная золотом, сочиненная самим Степаном Бернгардовичем. Всю жизнь он просвещал народ. Его любил он вдохновенно. Его оружие — гигиена, Стихов пленительный полет.

— Обратите внимание, — тихонько, на ухо, сказал автор собственной эпитафии Чунасоцкому, — на последнюю строчку.

— А что там? — не понял Славик.

— «Пленительный полет!». Обратите внимание на звучание. Полная аллитерация, полнейшая. Пэ, лэ, тэ...

— Да, да, понимаю, — рассеянно ответил Чунасоцкий и невзначай зевнул. Перепад между космической феерией и зауспокойной фантазмагорией был, нечего и говорить, велик, слишком велик. Усилия, чтобы осмыслить все как следует, требовались немалые. А он очень устал.

— Да что это мы! — всполошилась Полина Семеновна, — все о Степане Бернгардовиче, да о Степане Бернгардовиче... А о Славике-то нашем и позабыли. Ты, наверное, очень устал, Славик, отдохнуть нужно.

— Да хотелось бы! — Полина Семеновна тут же изъявила желание остаться у Степана Бернгардовича, довольная экстрасенсша немедленно схватила Чунасоцкого и поволокла его на выход... Дело ясное, что дело темное. На квартире у Полины Семеновны на то самое место, где упражнялся в сексе с доброй старушкой академик, она сейчас же, по примеру старших, бросила одеяло, поверх швырнула простынку и повалила Славика на эту стлань. Горячечными нетерпеливыми руками Верка расшвыряла на стороны одежду, свою и партнера, прильнула изящным голодным телом. Грудь ее забултыхалась, как пакеты с молоком, полезли одна на одну. Славик приник ответно. Но — увы... Чуткая бакалаврша немедленно отстранилась, проворно сузила глаза:

— Ты что?.. Был с кем-то?

— Да ни с кем я не был! — взмолился Славик.

— А где же ты был?

— О! — издал стон Славик. — Долгий это разговор. И не в постели. Я уж начинаю задумываться, как бы чего не вышло! Сделай-ка лучше интиммассажик, посмотрим, что выйдет. У меня тут мысли нехорошие бродят. Верка заворотила ему веки, рассмотрела одно глазное яблоко, другое.

— Склеры желтые... Печень не беспокоит?

— Ничего меня не беспокоит, кроме одного.

— Ты устал, Славик. Полежи, успокойся, и все пройдет. Запомни: импотенция сразу не наступает.

— Даже если облучился?

— Тоже не вдруг. Ты просто устал. Просто тебе очень нужно отдохнуть. Спи. А впрочем... Что я — экстрасенс или так себе... кухонный работник?.. Так, так! — вращая глазами, Верка что-то прокручивала в мозгу. — Так! — наконец удовлетворенно квакнула она и приступила к делу...

— Давай еще колесиком! — спустя пяток минут попросил он.

— Каким еще колесиком? — но поняла Верка, — ах, да!.. Что, по-навилюсь?

— Интересно.

— Нельзя! — строго ответила Верка.

— Почему?

— Безнравственно. — Чуть не поперхнулся от изумления Чунасоцкий, но неожиданная радетьельница нравственности и не думала шутить, продолжала строжеть. Да еще совсем неожиданно принялась за назидания:

— Нельзя тебе, Славик. Отдохни. А то переневолишься и испортишься.

— Разрешаешь отдохнуть? — усмехнулся Славик, все еще не пришедший в себя от нравственного пируэта подруги.

— Разрешаю, разрешаю... Я тебя сейчас сама усыплю! — Верка начала делать пассы руками.

Фасонисто гнутые коктейльские волны, однообразно-усыпляюще, рядами пошли на него, окатывая, ополаскивая, освежая, и Славик даже не заметил, как провалился в морскую пучину, в яму долгожданного земного сна.

Сеанс с летающей тарелкой

А утром, когда выпростался из этой ямы, было половина девятого. Верка держалась за голову.

— Ах, блин!..

— Горелый?

— Не поняла...

— Блин-то горелый? — Славик уже сидел за столом с бутылкой пива, пытался заглушить головную боль.

— Какой еще тебе блин!.. Ах, да!.. Опаздываю, блин, на сеанс, а тебе шуточки. Соберутся тысячи две человек, на билеты потратятся, а ее, курицы, нет.

— Да во сколько сеанс-то?

— Да в двенадцать.

— А где?

— В Нижнем, на автозаводе.

— Ого, блин! — присвистнул Славик. — И на такси, пожалуй, не успеть.

— Какое такси покроет тебе четыреста километров за три часа! Да еще надо найти его, это такси на Нижний. Да пока из Москвы на горьковскую трассу выберемся, как раз двенадцать и будет. Прокувыркались, блин!..

— Так и о маме родной можно позабыть.

Славик допил пиво, вылил в стакан остатки коньяка, и этот аристократический коктейль скоренько освободил его от комплекса нерешительности. Вот подходящий случай показать преимущество тарелочного способа передвижения перед всеми другими видами транспорта. Стоило и Веруньку удивить. А то закисла на своей экстрасенсорике, на своем бакалаврском тесте. Ничего не поделаешь, надо выручать Чайку Адриатики. Бакалавру оккультных наук не пристало опаздывать.

— Собирайся! — решительно сказал он.

— Ты что?.. Как Воланд? "Брошена Воландом в Нижний..."

— Воланд не Воланд, — похвастался Славик, — а кое-что можем предложить.

— Серьезно, что ли?

— Говорю — собирайся. Час на сборы.

— Ого, как много!

Верка засуетилась. Как ни странно, идущая от центрального ствола и раздражающая оба полушария какая-то глобальная, купирующая, живого места в голове не оставляющая боль после пива и коньяка пригасилась, затушеввалась. Исчезли острые пульсирующие уколы. Вот что значит матушка Земля, где есть пиво, есть коньяк араратского разлива и прочие молдавано-дагестанские прелести. Он прошел в ванную и там, заголя себе рубашку, нашарил под мышкой болезненную припухловатость. Точка. Тире. Точка. Чунасоцкий и опомниться не успел, Верка еще не закончила собираться, как за окном зависла летающая штука. Она сверкала никелем, переходящим в тени в серебро, заманчивым блеском темноватых иллюминаторов, бандажным обручем. Модуль слегка покачивало, что-то утробно рокотало. Оставалось только открыть окно.

— Прошу! — жеманно поклонился он Веруне, которая с саквояжиком в руках и с вытаращенными глазами столбом стояла посреди комнаты, глядя то за окно, на "тарелку", то на Славика. Но на то Верка и была Вер-

кой, на то и была она бакалавршей, чтобы сразу все смикитить и овладеть собой.

— Веди, Афанасий Никитин! — только и произнесла она, и Чунасоцкий с треском распахнул слипшиеся двойные рамы.

Гуськом, сгибаясь, они пролезли через окно и попали точно в лаз, кстати открывшийся в тарелке. Перелезая в модуль, Славик посмотрел вниз, на улицу. Москвичи, бывшие в наличии на улице, не обращали ни малейшего внимания на рокотающую на уровне второго этажа, зависшую над их головами диковинную штуку. Видимо, включена защита, с земли тарелку не видно, а им с Веркой видно.

Игоря в салоне не было. Подряд, как два груздочка, сидели за пультом два пилота-близнеца.

— А где Игорь? — спросил Славик, поздоровавшись.

— Занят! — лаконично ответил один. Второй поинтересовался, куда лететь.

— В Нижний, мальчики, на Автозавод, — запросто, как на такси, заказала Верка. В следующую же минуту, когда модуль с веретенным жужжанием ушел вверх и Москва стала видеться не больше, чем кучка доминошек, Чайка Адриатики попыталась завести свойский разговор с "мальчиками". Иметь в своем активе таких "мальчиков" Верке, видать, показалось крайне соблазнительным и даже необходимым.

— Мальчики, у вас ничего не болит? Подлечить никому ничего не надо? — заежилась она. Но мальчики как сидели, так и сидели, от Веркиных услуг категорически отказались и в разговор предпочли не вступать. Верка обидчиво поджала губы и замолчала. Пять-шесть минут лету и...

— Куда на Автозаводе? — спросил один из пилотов, точно всю жизнь прожил на этом самом Автозаводе.

— До Дворца культуры! — воскликнула Верка и кинулась к саквояжику за помадой и зеркальцем. Проплыли над гигантскими корпусами автомобильного завода, вдоль берега Оки и увидели красивый, с гипсовыми фигурками по периметру и массивной колоннадой Дворец. Площадь перед Дворцом была черна от народа. Тарелка низко пророкотала над толпой, и толпу как косою покосило. Некоторые попадали ниц, иные бросились в парк, под деревья, только несколько смельчаков стояли прямо да еще показывали на тарелку пальцами. Как рассказывали потом, толпа по-звериному завывала, завидев тарелку, и выла до тех пор, пока НЛО не скрылся за парковыми липами. Тогда, опять же по рассказам, моментально наступила тишина. Все боялись проронить хоть слово, ожидая высадки пришельцев.

— Защиту! — закричал Чунасоцкий. — Защиту забыли включить.

— Эх, блин! — ругнулся один из пилотов Веркиными словами, стукнул себя по стриженному лбу и передернул, как затвор автомата, некую рукоять...

В это время исчезнувшая с глаз людских тарелка соскользнула с высоты деревьев, как с горки, и приземлилась на парковую лужайку среди кустов. Тут, в кустах, плотно устроившись в ожидании сеанса экстрасенши, сидели кружком и мирно выпивали мужики. Они никак не заметили приземления диковинного предмета, только несколько недоуменно вытаращили глаза, когда прямо на них как бы из нетей вышагнула разряженная, как новогодняя елка, сверкающая бриллиантами и благоухающая духами божественная чернобровая женщина, а следом за ней — долговязый провожатый со старомодным саквояжком в руках. Никто из пораженных, как громом, выпивох и рта не смог раскрыть, когда ослепительная матрона, шурша змеиной кожей платья, вальяжно прошествовала через кружок, прямо через выпивку, а следом за ней долговязый. Никто и аха не успел издать. Едва Верка показалась из кустов, как навстречу ей бросился, точно тут, у кустов, и дежурил, некий коротыш, светлым ежиком волос и милой непреходящей улыбкой неуловимо напоминающий известного ведущего КВН. Конечно же, это был устроитель сеанса, администратор. Он поцеловал ручку у божества и повел Верку ко Дворцу, хозяйски раздвигая толпу вытянутой вперед пятерней. Народ послушно расступался, разглядывая Верку как диво не меньшее, чем летающие тарелки. Мало того, некоторые еще и задирали кверху головы, воедино связывая пришествие благоухающей экстрасенши с загадочным небесным явлением. Сеанс начался сразу, без переодеваний и приготовлений, едва только толпы народа всосались во Дворец и расселись по местам.

— Ни одного свободного места! — известил устроитель-коротыш Славика, усаживая его в первом ряду на откидной стульчик. — Полный аншлаг!

Он сел позади Чунасоцкого, на стульчик второго ряда.

— Тарелка! НЛО! — прошептал он из-за спины. — Никак не могу опомниться. Так близко... впервые. С народом творилось что-то невероятное. Как перед вторым пришествием. Так близко. Как бы не было чего. Не облучиться бы! Говорят, от них облучаются. Не в курсе?

— В курсе! — авторитетно заявил Славик. — Если луч на тебя не направили, ничего не будет.

— А они направляют?

— О-о! Еще как. Особенно, если паясничаешь, рожи кажешь тарелке. Упаси бог камнем кинуть, из ружья прицелиться, из рогатки, — вдохновенно врал Чунасоцкий. — Тогда направят на тебя луч, и сразу лучевую схлопочешь. Да вы ведь не прицеливались в нее, фигу ей не показывали?

— Упаси бог. Я мирно стоял.

— Тогда, значит, пронесло, — будто бы с облегчением выдохнул Чунасоцкий и даже несуществующий пот вытер со лба. — Тогда вам не о чем беспокоиться.

Чувствовалось, администратор с уважением отнесся к халдейским высказываниям Славика.

— А вы кто? — некоторое время спустя почтительно спросил администратор. — Муж Чайки Адриатики?

— Да, — официально заверил Славик, — я ее муж.

Устроитель тотчас привстал с откидного стульчика, зашел сбоку, откланялся и протянул руку:

— Кобальт!

— Какой кобальт! — вздрогнул Славик при имени радиоактивного редкоземельного, нежно-голубые брусочки которого, как повествует уголовная практика, зашивают в кресла ненавистным начальникам, подкладывают под подушки богатым дядюшкам и соперникам в Думе.

— Это фамилия моя такая, — кротко пояснил администратор. — Остзейская. А дальше — не пугайтесь, пожалуйста — Иосиф Кобальт, Иосиф Виссарионович Кобальт.

— Скажи ты! — удивился Чунасоцкий. — Рад познакомиться. Такое редкоземельное ФИО.

— Шуточки. Вот вам шуточки, а мне приходится носить. Не раз уж менять надумывал, да жена отговаривала. Очень, говорит, звучно и громко. А то, слышь, сделают каким-нибудь Спиртодоном Ивановичем или Иванов Спиридоновичем, и век живи с ним, кукуй. Вот ведь бабы что, а?..

— Да ведь по-своему она и права. Раз бог наградил таким именем, его и носи, — целомудренно рассудил Чунасоцкий. — Не имя, как известно, красит человека. Кстати, а как это получилось — Иосиф Виссарионович?

— А очень просто. Отец по святцам был Виссарионом и приверженцем. Ярым. Тут ему и подфартило — я родился. Он и выпендрился.

— И что же?.. Прислал ему в подарок "линкольн" или на худой конец "АМО"?

— Какое! Столь далеко уконопатили моего батьку, что до сих пор ни слуху, ни духу. Куда только ни обращался — никаких концов не могу сыскать. Пропал человек навовсе.

— Да-а, дела. А между прочим, — от чистого сердца посоветовал Чунасоцкий, — вам очень легко сменить свою фамилию. И даже жена не будет знать.

— Каким образом?

— А вы только бритвочкой зачистите последние буквы, и будет даже очень величественно: Иосиф Виссарионович Коба.

— Да! — проскрипел зубами устроитель сеанса, оценив черный юмор. — Уж лучше Кобра. Веселее будет.

Сеанс между тем начался, и наши друзья, прервав антропонимические дебаты, воззрились на сцену. Верка блистала на сцене не хуже Марии Антуанетты. Она хлопала в ладоши, выделяла руками какие-то пассы

и вообще вела себя на сцене вольно, как на дружеском капустнике. Видно было: тут ее место, ее территория, ее призвание. Нанесли к подиуму, всю рампу заставили посудой — пузырьками, бутылками, трехлитровыми банками с водой — и Верунька, галантно пройдясь вдоль стеклотары с оттопыренной ладошкой, моментом ее зарядила. «У кого чего болит — выходите на сцену! — самым непосредственным образом обратилась она к залу. — Буду лечить...» Замешательство было только в первую минуту. Начали вставать и пробираться меж рядов. Один, второй, третий, затем валом повалили, и скоро у подиума образовалась приличная толпа. Верка выбрала из этой толпы семерых мужчин, вывела их на сцену, а остальным велела вернуться на свои места. Хлопнула в ладоши, как массовик-затейник. Набежала униформа, разостлала на сцене ковер. Чайка Адриатики поставила всех семерых на этот ковер колонной — затылок в затылок. Затем зашла спереди, униформу поставила сзади. Отступив на шаг-другой от мужской компании, Верка, нахмурившись, вытянула перед собой руки ладонями вперед. Хмурясь все сильнее, очевидно, собираясь с силами, она вдруг, неестественно выкатив глаза и вытянув трубочкой губы, пошла на переднего мужика. Тот даже не успел опомниться — подрубленным столбиком пал на спину, на второго мужика, второй же, такой же негнувшийся, завалился на третьего, и так все семеро, как костяшки домино, попадали друг на друга, а последний — на руки униформе. Униформа бережно опустил его на ковер, и таким образом вся мужская компания теперь бездыханно лежала на полу сраженная Веркиным гипнозом. В зале ахнули. Толпа желающих подлечиться, все еще гуртующихся у рампы, заметно поредела.

— Вам не страшно жить с такой дамой? — шепнул Иосиф Виссарионович.

— Теперь, пожалуй, да, страшновато! — откровенно сознался Чунасоцкий. Верка между тем, засучив рукава своего трескучего змеино-чешуйчатого платья, кажется, лопнувшего у локтей, по-мужицки, как мешки, начала ворочать тела, раскладывая их ровным рядком. И при этом еще над лицом каждого делала дополнительные круглообразные пассы, вероятно, засылая спящих еще глубже в гипноз. Быстренько так пропассировав, разложив всех в ранжир, бакалаврша занялась крайним — рыхловатым мужчиной средних лет с растрепанной соломенной бородой. Все фокусничая ладонями, как бы играя с невидимым мячиком или лепя снежки или калачики, она вдруг разом встряхнула обеими ладонями и повела их, как миноискатели, вдоль тела. В одном месте — напротив брюшины — руки остановились, забеспокоились на одном месте. Нависнув правой рукой над выпуклым брюшком, левую Верка подсунула под спину, очевидно, для экрана. И начала как бы подкачивать живот барбудоса, как бы люльку качать. Затем, отступившись от желудка, перешла к правой стопе. Скинула ботинок и начала колдовать над большим

пальцем, как заметили сидящие в первом ряду, основательно распухшим и покрасневшим. Тут она провозилась значительно дольше, чем над желудком. Зал затаенно ждал первого результата. В волнении Иосиф Виссарионович приобнял Чунасоцкого за плечи. Славик был взволнован не менее. Наконец Верка разогнулась и показала залу большой палец. Зал оживился. Экстрасенсша вызволила бородача из гипнотического сна несколько невежливо — просто-напросто отхлестала как следует гражданина по щекам, и тот не сразу, но проснулся. Вот он сел, встряхнул головой, очумело повел очами, соображая, где он и что с ним. В зале раздались возгласы, жидкие хлопки.

— Встаньте! — скомандовала Верка.

Мужчина поднялся и с изумлением воззрился на рядком спящих шестерых.

— Печень? — строго спросила бакалаврша.

— Да. Лежал с вирусной желтухой.

— У вас не вирусная желтуха, милый мой, — безапелляционно заявила Верка, — у вас хронический алкогольный гепатит. Немедленно бросайте пить...

— Я не пью! — оправдываясь перед залом, пропищал подопытный.

— Бросьте сказки рассказывать. Вы пьете и пьете по-черному. Бросайте пить, иначе цирроз и — конец фильма, милый.

Зал угрюмо молчал, пораженный суровым и неприглядным диагнозом. От толпы у рампы отделились и сели на свои места еще несколько человек. Гепатитник угрюмо поплелся со сцены.

— Погодите! — окликнула Верка. — Что у вас с большим пальцем?

— Вот распух... постоянно распухает...

— Артрит?

— Один хирург написал в больничном "артрит", другой посмотрел и написал "бурсит". Сам не знаю, чего...

— У вас отложение солей, — популярно объяснила Верка. — А теперь опробуйте палец, попробуйте протреть.

Мужчина взялся за палец, помял его. Затем вроде как с опаской прошелся по сцене, прошелся и — эх-ха! — выдал чечетку.

— О! О! Не болит.

— Совсем не болит?

— Немножко, кажется, есть. Неудобство.

— К вечеру пройдет.

— Ой, спасибо вам, доктор! Ступить ведь невозможно было.

Мужчина рекламным печатным шагом, демонстрируя явное исцеление пальца, прошелся по сцене и спустился в зал, тут же разразившийся аплодисментами. — Не подсадной? — усомнился Кобальт.

— Не думаю! — ответил Славик. — Она ни с кем тут не успела бы договориться. Да это и не в ее характере. Верка между тем занялась вторым

мужиком. Процедура обнаружения заболевания, лечения его и затем некорректного пробуждения полностью совпала, и второй пациент, скоротечно исцеленный от жестокой неврастении, острых приступов маниакальных вкупе с депрессивными психозов, вызванных, по мнению целительницы, опять же угарным пьянством, под бурные продолжительные аплодисменты покинул сцену. Как видим, с клиентурой Верка особенно не церемонилась, в чем сказывался класс, обкатанность, высокий профессионализм. Вот третий... Это был красавец-парень с кукольными, фламандски роскошными буклями, веером лежащими по ковру. Верка не стала его лечить, очевидно и так, на глазок, определив, что парень ни на что не жалуется, ничем не страдает. Она для развлечения публики, решила проделать с ним цирковое шоу. Поставили рядом с ковром два стула, и Чайка Адриатики сама, без посторонней помощи, подняла красавца, как бревно или доску, и положила головой и пятками на краешки стульев. Парень ни капельки не прогнулся. Верка сняла туфли, вскочила на стул и осторожно прошла по этому мостику. Успех был потрясающий. Тогда экстрасенсша, вдоволь насладившись реакцией зала, хлопнула в ладоши и, растопырив пальцы, попыталась как бы вцепиться ногтями в лицо загнипотизированного. И в тот самый момент, когда она резко остановила руки в дюйме от лица, стержень, всунутый в парня, сломался и красавец хлопнулся задницей об пол. «Мама!» — раздалось из публики, и зал грохнул от хохота. Пока парень поднимался и сокрушенно потирал зад, а зрители оглушительно смеялись, сама ведьма в змеиной шкуре патетически вздымала к потолку мясницки закатанные по локоть руки и поворачивалась к залу то одним боком, то другим. Показуха была феноменальная. И только один человек в зале не восторгался талантами Чайки Адриатики. Это был сидящий в первом ряду, на виду у сатанински подмигивающей ему бакалаврши Славик Чунасоцкий. "Что как, — в смертельной тоске думал он, — она такую хреновину учудит со мной. Ночью, когда буду спать и потеряю бдительность. Что как не подфартишь, не угодишь в чем-нибудь, разругаешься... Положит вот таким бревешком, и пролежишь до гробовой доски. Бежать надо, срочно надо бежать... А куда? Некуда пока мне бежать..." Появилось желание немедленно выскочить на свежий воздух, да Кобальт этот как на грех навязался, держит за плечи, восторгается неумеренно.

Верка же, от успеха совсем потеряв "пардон", принялась за седьмого, последнего пациента — солидного пожилого дядька с представительной генеральской шевелюрой.

— У вас член не в порядке! — во всеуслышание объявила она семидесятилетнему отставному чину.

— Что, что? — не понял тот.

— Член, говорю, половой член у нас не работает! — громко и отчетливо, как глухому, объяснила Верка. — Функция половая ослаблена.

— Да, ослаблена, — растерянно подтвердил отставник и что-то про себя пробурчал.

— Женьшень на спирту надо потреблять, — все так же громко рекомендовала Верка.

— Женьшень на спирту! — вскинулся вдруг бывший офицер и сам пошел в атаку. — Да откуда же ей быть, функции-то? С чего бы ему работать-то? Рыбы не ем, мяса не укупишь, сыра тем более. С картошки, что ли?.. Немного с нее наработаешь. Небось, и у вашего мужа с картошки не заработает.

— У моего мужа, не беспокойтесь, все нормально, — Верка начала рубить воздух ладошкой, как заправская деревенская баба-скандалистка, и Чунасоцкий понял, что вот он, подошел подходящий момент. Помянут муж, то есть в данном случае он, это уже слишком...

Он выскочил из Дворца и ринулся в парк, в кусты, где должны били еще сидеть мужики. И мужики, на радость, точно — сидели...

— Мужики, налете грамульку! Вот деньги на бутылку.

— Что, хвораешь? — мужики охотно подвинулись, расступили кружок.

Народ густо повалил из Дворца. Некоторые, оживленно жестикулируя, шли в парк, к недалекой отселе пивнушке, решив освежиться после столь удивительного сеанса.

— Гипноз... гипноз... алкогольный психоз... печень... — только и слышалось от них. Живительно припекало майское солнце, трава шевелилась, начинала зеленеть, было удивительно хорошо среди мужиков-автомобилистов. Посылали за водкой уже второй раз. И тут из кустов высунулся Кобальт.

— Пойдемте скорее. Вера Михайловна изыскалась вас.

— Что случилось?..

— Там гости. Оч-чень интересные гости.

— Да кто?

— Мыс-Гордеевский.

— О-о! — подскочил, как ужаленный, Славик. И даже не попрощавшись с собутыльниками, поспешил за Иосифом Виссарионовичем.

Синдром вора

Коридор перед кабинетом директора был плотно забит народом: затесавшимися по благу зрителями, сотрудниками культурчреждения. Все были необычайно взволнованы, возбуждены, и интерес у толпящихся был какой-то свежий, болезненно-острый, и совсем не к Верке, которой вполне насытились и на сеансе. Забывшие коридор люди вставали на цыпочки, налезали друг на друга, заглядывая в приемную, изо всех сил стараясь там что-то углядеть. Кобальт уверенно рассек толпу, и Славик удачно проследовал за ним. Какие-то люди с непроницаемыми лицами, одетые как на подбор в квадратные, почти до колен пиджаки, остановили их уже в приемной, у самой двери кабинета, но тут же узнали Иосифа

Виссарионовича и пропустили обоих. Здесь тоже было людно, из-за голов Славик увидел сидящую в мягком светло-зеленом кресле Верку. Она курила и устало смотрела на ноги господина, который стоял посредине комнаты и о чем-то выступал. Одетый в плащ, не соизволивший даже снять финское кепи с утиным козырьком, господин этот в такт речениям характерно жестикулировал: выкидывал попеременно на обе стороны руки. Так чаек на море кормят, так богатые господа кормят голодную толпу банкнотами, пачками рассеивая их вокруг. Одетый не говорил, а как бы выхаркивал, выхаркивал свою речь, уснащенную неподражаемым одесско-кавказским акцентом, уже знакомым нашему герою: вси-и-эм, уси-и-эм билет на Мэгэдэн обеспечен... Говорящий произносил свою речь прямо в окно, не замечая ни усталую Верку, ни директрису с пышным бюстом, стоящую по стойке "смирно" и руки по швам, точно изготовившуюся перед фотоаппаратом. Чунасоцкий прислушался:

— О чем я? Ах, да! Слава русского оружия... Мы высоко поднимем славу русского оружия. Да. Германия отличается промышленностью — мы сделаем ее одним большим заводом, пусть работают, мы позволим им работать. На нас, да-да, на нас. Франция будет поставлять нам вина, а итальянцы — макароны.

— А монголы? — пискнул кто-то из слушающих.

— Монголы пусть пасут свой скот, — категорически разрешил гость, по-прежнему глядя в окно. — Пусть поставляют нам дубленки. Да-да, в течение год-два я одену весь русский народ в дубленки. Пусть не боятся морозов, пусть плодят детей. Пусть численность русского народа не уменьшается, как сейчас, а наоборот — увеличивается, — нес зловредную околесицу оратор в карикатурной кепочке, рыбацки взмахивающий руками, и, конечно же, Славик узнал актера: Жиклер.

Долгожданный Жиклер, Гриша Мыс-Гордеевский, ждущий — не дожидущийся своей порции-унции в девять свинцовых граммов. Эх, момент! Вот сейчас бы не было ни недолета, ни перелета. Доказал бы Славик славу русского оружия, конструктора Н. Ф. Макарова, угрюмого лысого дядечки в тяжелых очках, приезжавшего как-то в их институт. Но "макаров" в Москве. Запеленутый в тряпочку, а поверх тряпочки в газету, обернутый шпагатом, надежно покоится он на дне спортивной сумки. Да-а, такого случая еще долго ждать придется. Славик моментом вспотел до лопаток. Его била нервная дрожь. В то же время в глубине души он был доволен, что пистолет остался в столице. Поднимать сейчас переполох все-таки не хотелось. Позднее, позднее... Оратор между тем неожиданно замолк, как будто опомнился. Как будто спустился на землю. Вынул свой взгляд из окна и тут только заметил женщин перед собой. Он наконец-то снял с головы чужеземное кепи и, ловко изогнувшись, чмокнул руку Верке, не обратив ни малейшего внимания на стоящую тумбой директрису. Окружающие заплодировали. Чунасоцкий грыз ногти. Было с чего — вот

она, мишень. Вот он, "для выстрела открытый весь", как писал Сокиро в одном из своих фауноборческих стихах о лесном богатыре — лосе. В следующую минуту Жиклер бесцеремонно поднял Верку с кресла, взял ее под локоть и отвел в свободный угол кабинета. Определенно, Мыс-Гордеевский заимел виды на Верку: что-то ей интимно начал нашептывать на ушко. "Уж не вербует ли он ее в свои ряды?" — мелькнуло у Чунасоцкого. То же самое, видимо, показалось и Кобальту, который саркастически пихнул Славика в бок. Чайка же Адриатики выставляла перед собой ладошку: сопротивлялась. Все, в том числе и тумба-директриса с открытым ртом, молча воззрились на парочку, не смея мешать затейливому обхаживанию. Между тем по мере нашептывания и уговаривания лицо бакалаврши стало принимать интригующее выражение. Полыхнул румянец по щекам. Ища поддержки, Верка встретилась глазами со Славиком, и тот, сам себе не отдавая отчета, отчаянно закивал, замычал руками: соглашаясь, дескать, нечего раздумывать. Верка что-то сказала Жиклеру, поманила Славика пальчиком, и он был представлен. Жиклер равнодушно, как палку, сунул ему свою руку. Так начальство, снисходя, знакомится со своими вассалами. Славик не растерялся и отплатил тем же: подал негнущуюся якобы руку. Последовало вынужденное вялое пожатие. Один — ноль. Жиклер царापнул Чунасоцкого настроженным взглядом. Это было бы еще ничего, если бы в следующую минуту, как только Кобальт пригласил всех в другую комнату откусать, не поймал на себе Славик другой взгляд, моментом заставивший вжаться в себя, повергнуться в панический трепет. Нет, этого не может быть!

Как из двух орудий крупного калибра, лупил по нему оловянными глазами майор Сердюк. Да-да, тот самый, из поезда. Он тарашился именно на Чунасоцкого и ни на кого больше, клоня при этом то на одно, то на другое плечо свою забубенную офицерскую головушку, будто что-то припоминая, что-то осмысляя. Рачьи, навывкате глаза были притуманены, очевидно, в дымке воспоминаний. Ну-да, ну-да, шевелит мозгами, прикидывает, крымская медуза, где его, Славика, видел, в каком полку служили. Освобожденный от долларов и рублей кейс в одной руке, другою держит фуражку у локтя, как есаул на дореволюционном снимке... Работа по опознанию похитителя пистолета усиленно совершалась, но, видимо, так и не смогла до конца совершиться, дать какой-либо определенный результат. Слишком уж шибко тогда, в поезде, были мозги залиты. Бывший поездной попутчик облизал перепекшиеся, в белых струпьях губы и перевел зачумленный взгляд на сюзерена. Чунасоцкий понял, что спасен, не опознан.

Верка теребила за рукав.

— Григорий Харлампиевич предлагает нам вступить в свою партию. Партию ДН — "Демон", что значит "демократия-народ".

— Хм, надо подумать... — поломался Чунасоцкий, понимая, однако, что он уже тут, приплыл, обеими ногами в партии. И партия эта ему

столь близка, столь желанна, что и говорить нечего. Именно из рядов этой партии он легче всего, проще всего и угрожает ее лидера.

— Не надо ломаться, молодой человек. Вы вступаете — и приобретаете весь мир, вы манкируете — и вы в пропасти! — напыщенно агитнул Жиклер.

— Быть по сему! — отчаянно рубанул рукой Чунасоцкий, притворно изображая, что решается тем самым на многое. И тут же угодил рукой в мощную соратническую длань Жиклера. Теперь рукопожатие было крепким, искренним. Кабинет озарило несколько магниевых вспышек. Чунасоцкий покосился на Сердюка. Глаза бравого майора были трогательно увлажнены. «Партийные значки вам вручит мой будущий силовой министр и Главнокомандующий русской армии!» Майор усердно щелкнул каблукми и тут же смешался, заволновался. Объявленная честь была слишком высокой. Сердюк сломался в пояснице, начал тыкать кому-то кейс. Передав его, благоговейным шажком приблизился к хозяину, принял из его рук пару эмалевых значков и прикрепил их сначала Верке на платье, затем Чунасоцкому на свитер. От майора несло чесночком. Блистательный запах. Всяк знает, сколь могущественно чесночятина подавляет, углушает все другие ароматы, например, винные пары. На значке был изображен кинжал, по самую рукоять воткнутый, как в арбуз, в мякоть полосатого земного шара. Комментарии были излишни. Кажется, курился, восходил из-под кинжала нехороший дымок и струей хлестала из земного чрева кровь.

Страсти по Шекспиру

О-о, он, Григорий Мыс-Гордеевский, был далеко не так прост и карикатурен, как это казалось многим. Далеко не прост. Это Владимир Ульянов, пишут, был "прост, как правда", Григорий же Харлампиевич — отнюдь... Заковырист был мужичок, как и его замысловатая фамилия. Самое главное, отличающее его от многих: он знал, что ему делать в перевернутой с ног на голову стране. Стране, в которой, как при игре в бабки, кто-то набольший во всеуслышание крикнул:

— Расхватуха!

То бишь на арапа, на хапок хватай, кто что может, и — деру. Куча мала, нахлебаешься, пожалуй, и крови, собственной и чужой, земли, говнеца наешься на низу этой кучи, кишки чьи-то выпущенные куснешь, а свое ухватишь... С интервалами в две-три минуты уходят, уползают, крадучись, к границам, и тают, как в тумане, в нетях эшелоны с платиной и вольфрамом, золотом и алмазами, редкоземельными и изотопами, один грамм которых стоит, случается, миллионы долларов. Туда же, как из распруженной плотины, хлещет-хлобыщет прихваченная на шермачка нефть, приватизированные голубые реки газа. За конструкторское бюро Сухого, выпускающее истребители "Су", просят сто тысяч долларов,

за "Уралмаш" и того меньше. Медь и бронза, вывозимые "КамАЗами" в Эстонию — удел негодящей мелочи, ларькового рэкета, мельтешащего крутыми затылками... Идет другой счет.

Объевшаяся, потерявшая аппетит, сбившаяся с нюха, слуха и интуиции эфемерная номенклатура уже не довольствуется подмосковными наташе-ростовскими особняками, далеко по лесу обнесенными зеленой сеткой. Эти ветшающие прибежища, помнящие разгульные деньки партократов, ныне всего лишь походные станы, полевые биваки, из которых способно выезжать на вольную охоту. Ставки на закордонные замки где-нибудь на Ривьере, на жемчужном острове Кипр, где дача экс-президента Украины прекраснотушно соседствует с особнячком известного урки. Что говорить: на тенистых аллеях рядом с вице-президентами США разбивают наши бонзы свои чертоги. О, эта юсатая звездно-полосатая страна, вожделение и соблазн! Уже вызубрены назубок сложнейшие шифры швейцарских банков, выучены в Гарвардах и переправлены во Флориду или Техас детки, а жены сидят на чемоданах и только и ждут сигнала... Зобы уже давно перенабиты, но жлобство — это такая пакость, хлеще болотной чарусы, и сигнал оттягивается да оттягивается, и эшелоны с якутскими алмазами текут, украдкой постукивают по рельсам. Надо побольше набить зоб, еще побольше. И не лезет, а надо. Что за проклятье... Опомнись, человек! Оглянись перед божьим пределом, огляди загаженную и заблеванную тобой местность, называвшуюся Россией... В отличие от обожравшихся туш, Жиклер был еще в форме. Волчи тропы набегов на власть требуют мускулистых ног, проворства ума и гаерской наглости. Жиреть будем потом, а пока — смертельные сшибки у кремлевских подворотен. Он старательно делал зарядку по утрам — на одних пальцах отжимался (с двумя перерывами) триста раз, потреблял гербалайф, знал услуги массажисток. Спортзал с бассейном в купленном за гроши у оборонного предприятия-банкрота профилактории оснастил и тиром, и теннисным кортом — незаменимой услугой новых властелинов. Принюхавшись к бардаку, Жиклер стопроцентно уразумел, что с добрыми намерениями во власть не ходят. Спасти народ, вытащить из ямы страну — филологические упражнения в пользу бедных. Во власть ходят, чтобы, вот именно, всласть поханствовать, попаханствовать. Григорий Харлампиевич никогда не тешил себя иллюзиями относительно "спасения народа". Народ этот, мельтешащий с кастрюлями на митингах, стоит самого себя. Гнусное стадо жадного люмпена, мутантов и дебилов, прошедшее селекцию со знаком минус. Брось кость — перегрызется. Скажи: вот за тем леском ждет тебя, дебил, голая баба, ящик водки и пазуха дешевых "Сникерсов", и пойдет он за тобой за этот лесок, хоть голову руби. Уже пошел...

Он однажды тоже хотел высморкаться на эту придурочную страну, хотел умыкнуть в капиталистические кущи, в свободный мир, да кавардак этот подоспел. Почему бы и ему не половить рыбки в мутной водиче!

Тем более, что клюет. Клынула, еще как клынула недюжинная царь-рыба и потащила его по пенистым водоворотам прямоком к золотому крыльцу... "На золотом крыльце сидели царь..." Эх, детство, золотушечная пора... Сверстники не любили его, жестоко били нипочем и за просто так. Ну да куда эти сверстники не уйдут, с первым же эшеленом помчатся по тундре нюхать воркутинский уголек — вместе с теперешней административной шоблой. Да-да, и отставных чинов туда же, на вечную мерзлоту — меньше вони. Меньше народа — больше кислорода. Оч-чень хорошо усатый придумал: нет человека — нет проблемы. Очень хорошо. Этот ядерный чемоданчик ему ночами снится. Вот где сила, которую кое-кто с Урала еще не может осознать. А уж он, Гриша, с этим чемоданчиком позабавляется... Одна, пожалуй, неувязочка в грядущей перспективе его смущает. Не настолько он глуп, чтобы не понять, что все эти тарелочки, летающие иногда над головами, не просто так летают... Отнюдь. Это только коммунисты, оплесневевшие апостолы казарменного борща, зашоривали глаза всем, и себе в том числе, старались внушить, что никаких-таких тарелочек в природе не существует, а есть только они, идиоты, истина в первой и последней инстанции, а все остальное — чертовщина. Теперь последнему барану ясно: что-то вынюхивают тарелки. Паленое разве чувствуют, досмотрщики? А откуда они прилетают, где базируются и кто их создал? Американцы что-то видели на Луне, но молчат. Хитрые...

Когда ему по радиации сообщили, что низко над ДК прошла тарелка, он, пожалуй, первый, исключая, конечно, толпу у Дворца, связал ее появление с сеансом экстрасенсши.

А сообщив это, приказал: «Проведите дозиметрию. Я еду.» Отказался даже от митинга на велосипедном заводе в Стригино. Дозиметр у Дворца почти зашкаливал, но он все равно поехал, и здесь, на месте, предположения его оправдались: экстрасенсша, как ведьма на помеле, прилетела именно на тарелке. Видели члены партии, врать не станут. Тарелка неожиданно исчезла, и через считанные секунды экстрасенсша и с нею долговязый с саквояжиком выступили из кустов парка. Мыс-Гордеевский немедленно поручил своим людям исследовать эти парковые кусты. Нашли алкашей, с пристрастием допросили их. Все верно: у алкашей у самих глаза на лоб полезли, когда эта странная барышня со спутником вывалились на них... Ох, не понравился ему этот долговязый спутник Чайки Адриатики. Глаза. Нехорошие, сомнительные глаза. Кто яркий? Альфонс? Ассистент? Муж? Срочно выяснить. Определенно, Григорию Харлампиевичу не поглянулся этот долговязый, но делать нечего — когда вернулись в Москву, в забитый зал "Арагви" вошли втроем. Свора телохранителей и соратников осталась у входа, разговор предстоял серьезный, не для многих ушей. Надо сказать, бакалавр оккультных наук была на седьмом небе. Героиня дня. Чудненько покаталась на тарелке, сеанс прошел успешно, и вот еще один подарок судьбы — знаменитейший Мыс-Гордеевский пьет за нее

шампанское на виду у всего улицегорьковского бомонда. В общем-то, ей начхать на этот а ля бомонд, а вот то, что у Григория Харлампиевича головка произвольно потряхивается, как у куличка, это важнее. Болезнь Паркинсона. Особенно заметно голова у скандального политика начинает встряхиваться, когда он речи говорит. Вверх-вниз, вверх-вниз, точно кивком непрестанно здороваются. Может сильно повредить имиджу. Тут же впала мысль бедовой бабе немедленно излечить гегемона, помочь ему. Два сеанса, всего два сеанса — и все будет приведено в норму. Напрочь лишенная комплекса стеснительности, прямая, как находка для шпиона, Вера Михайловна и бухнула об этом напрямик Григорию Харлампиевичу. Тот как ел говяжье мясо, так чуть им и не подавился. Бастурма предательски дрогнула на вилке. Он? Григорий Мыс-Гордеевский? Лидер партии "Демон"? Паркинсонизм? Дрожательный паралич?

— Да, — выдала безжалостное сравнение паразитка Верка, — как овца траву в поле дергает, так и вы дергаете. Вот наблюдайте. За овцой.

Жиклер уронил бастурму в тарелку и крепко задумался.

— Вам же лечиться надо, — продолжала наседать Верка. — Имидж же...

— Ну так лечите! — вскинулся уязвленный политик.

— Всего два сеанса, вот таких мало-малюсеньких сеансика. — Верка даже пальцами показала, каких.

И понесло, понесло бакалавршу:

— Надо бы вообще за вас женщине взяться. Чувствуется, женщины на вас не видно. Такие ужасные проколы делаете, я наблюдала по телевизору.

— Что именно вы наблюдали? — раскрыл рот Григорий Харлампиевич.

— Вот, вот: не надо рот-то так раскрывать — галка залетит. К тому же создается вид обдураченного...

— Кого-кого?

— Да Иванушки-дурачка, вот кого. И губы... Зачем вы так обметываете языком губы. Как та же овца. Неужели нельзя этот язык держать, где положено?

— Можно, конечно.

— Ну так что же! Вы же не горьковский босяк из романа "На дне".

— Из пьесы...

— Какая разница — роман, пьеса... — Верка говорила громко, как со сцены, как для публики, и бомонд, сидящий за ближайшим столиком, начал оглядываться, с любопытством прислушиваться.

Славик толкнул Верку ногой, но это ничуть не смутило блистательную представительницу мира парапсихологии. Она завела речь о политике.

— Вы знаете, — доверительно сообщила она Жиклеру, — у нас ведь общие взгляды есть.

— На что? — поднял брови Григорий Харлампиевич.

— Разумеется, на мировую политику, — важно начала Верка. — Я тоже поддерживаю мысль, что наша страна время от времени должна поигрывать мускулами... Да-а.

Жиклер вытянул губы трубочкой, сделал крайне серьезный насупленный вид и спросил:

— И как вы себе представляете это поигрывание?

— Полторы-две маленькие наступательные операции в год... По освобождению наших моряков, заложников или еще кого... где-нибудь в Гвинее-Бисау или на Островах Зеленого Мыса — вот тебе и престиж. Американцы не дураки. Чтобы всякие там япошки и китайчики не лезли. Курилы им подавай? Хрен им пареный, а не Курилы, — быстро вошла в раж Верка, ожесточенно крест-накрест черкая вилкой по скатерти...

Бомонд за ближайшими столиками в открытую вострил уши. Напрасно Славик пихал Верку в ноги, лвицу отечественной экстрасенсорики понесло, как с горы.

— Чтобы вот так, — Верка смачно почмокала губами, наглядно показывая, что нужно делать япошкам с предметом, рекомендованным вместо Курил. — И сопели бы в две дырочки, лупились бы в свои щелки. Палец дай — по локоть отхватят. Подумать только: три миллиона китайцев неучтенных у нас по Дальнему Востоку ходят, а нашему правительству хоть бы хны. Да гнать надо такое правительство, пока нас самих те же китайцы из собственной страны не выгнали.

— Bravo! — воскликнул Жиклер и хлопнул в ладоши. — Один к одному мыслим, Вера Михайловна. Вы будете достойным членом нашей партии. Вы еще выдвинитесь, честное слово.

Чунасоцкий сидел молча, с мрачным видом. По правде говоря, он готов бил провалиться со стыда, смыться с глаз долой, улететь на той же тарелке, так не нравилась ему Верка со своей беспардонностью.

— А вы что так мрачны, молодой человек? — наконец обратился к нему Мыс-Гордеевский. — Похоже, вы не согласны с Верой Михайловной?

— Похоже. Отчасти.

— Славик у нас ученый! — гордо встала Верка и добавила отсебятину. — Эколог. Короче: эмэнэс, как он говорит. Младший научный сотрудник.

— Ну что ж, в свое время я тоже был эмэнэсом, — отозвался Жиклер.

"А теперь вона какво парю! Сокол!" — прочитывалось продолжение этой фразы. Однако в данный момент Мыса меньше всего интересовало собственное "я", собственное возвышение. Это ведь очевидный факт, нечего лишний раз бисер метать, не устраивала его и чухня, несомая собеседницей, с превеликим удовольствием распрощался бы он со столь странной парочкой, если не это. Если бы не НЛЮ.

Царапая взглядом то бесцеремонную экстрасенсшу, то ее мрачно-ватого спутника, он не знал, как удобнее и ловчее начать, с какого бока подступиться, чтобы не вспугнуть, не вызвать подозрений.

Все решилось проще.

— Вы, наверное, Григорий Харлампиевич, все время спросить нас хотите? — сама начала прозорливица.

— Насчет чего?

Верка, приоткрыв роток, с загадочной интригующей улыбочкой уставилась на политика.

— А насчет тарелки! — хохотнула она и хлопнула, как девчонка, в ладоши.

— Ну да... И насчет тарелки хотелось бы узнать.

— На которой будто бы мы прибыли в Нижний?

— Почему "будто бы"? Вы на ней и прибыли. — Григорий Харлампиевич даже заерзал на стуле от нетерпения. Сейчас, сейчас все выяснится.

— А никакой тарелки и не было! — огорошила между тем Кассандра.

— Как не было! — подпрыгнул на стуле Жиклер. — Была тарелка.

— Никакой тарелки не было! — отдельно и четко продиктовала Верка, глядя прямо в глаза Жиклеру.

Гриша Мыс-Гордеевский и сам умел гипнотизировать, манипулировать человеком. Не хуже, чем тезка его, кончивший дни свои в невосковой проруби. Биополе у него, по единодушному мнению знакомых экстрасенсов, было — ого-го! Не обхватишь. Он и сам мог бы быть экстрасенсом. Если бы не стал политиком. Поэтому потуги уважаемой Веры Михайловны встретили отпор.

— Члены нашей партии, — жилкой не дрогнув, так же твердо и четко проговорил Мыс-Гордеевский, — видели. А это вполне проверенные люди, я не имею оснований не верить им, — напыщенно закончил он.

Верка пожалала плечами, посмотрела на спутника и принялась ковыряться в тарелке, видимо, сочтя разговор на эту тему вполне завершенным.

Но не того хотелось Жиклеру. Он, недолго думая, провозгласил тост за НЛЮ и его светлое будущее. Бакалаврша змеино улыбнулась и выпила.

"Они явно что-то скрывают. Значит, есть что скрывать. Значит, все-таки на тарелке они прилетели, а не иначе", — кусал Григорий Харлампиевич ногти. Попытался сделать еще один подход:

— Вера Михайловна! Почему вы неискренни со мной? Я сгораю от любопытства, а вы не хотите его удовлетворить. Нехорошо, Верочка, я обижусь.

— Ну ладно. Была тарелка, была. Но была она только в воображении людей. На самом же деле ее не было. Вот случай, как выразился один булгаковский герой, массового гипноза. Это часть моего сеанса. Люди видят чудеса в небе, связывают это с именем Чайки Адриатики и, заходя в зал, уже настроены на чудо, верят в него, воспринимают меня как настоящую

волшебницу. И мне легче работать с залом: сила внушения возрастает во много крат. "Лепи горбушку кому-нибудь другому", — подсадовал Жиклер. Врет экстрасенсша, нагло причем. Пока эта лукавая дама вела свой паршивый сеанс, члены его партии времени, как уже было сказано выше, не теряли. Как она объяснит этот перепад в дозиметрии: фон в Нижнем был 8 микрорентген, а в кустах, в месте посадки, аж 60. Каким внушением? Ну, что ж. Не хочет говорить — не надо. Сейчас не хочет — потом скажет. Это уж как пить дать. Нужно собрать немедленно обстоятельное досье на эту милую дамочку, также и на спутника. Там будут на крючке. Посулить квартиру, гараж. С посулами у Мыса проблем не будет — дока. Следует, конечно, организовать слежку. С другой стороны, не находилось еще женщины, которая устояла бы перед мужским обаянием Григория Харлампиевича. "Мысочек!" — обычно зовут его дамы в интимной обстановке и нежным пальчиком любовно нажимают на кончик носа. И эта далеко но убежит. «А в постели она, должно быть, хороша-а!» — расплылся в томном желании Мыс-Гордеевский и немедленно послал эту мысль экстрасенсше. "Да уж, — кокетливо отпарировала сотрапезница, — да и ты партнер ничего". И обещающе улыбнулась. Что-то назревало...

ЮРИЙ ПРОНИН
(Нижний Новгород)

***

Я это выдумал, мне это снится...
Но, каждый год просыпаясь от сна,
Тает апрельского снега страница,
Чтобы другие взошли письма.

Мне это странно, довольно нелепо:
Так — ниоткуда — родиться ростку.
Мы — это таинство чудное слепо
Солнечным светом пьем по глотку.

То, что рождается не умирает.
То, что пришло, никому не отнять.
Стройное деревце крону склоняет,
Чтобы ветвями своими обнять.

***

Замри на миг, молчаньем перезрелый,
О чём, смеясь, рассказываешь ей?
Опять разжёт коптящий, зачерствелый,
Прогорклый ладан бренности своей?

Унылое, промозглое создание,
Веселье было, но была весна...
А жуткой поздней осени сознание,
Шурша листвою, не навеивает сна.

И ей — такого нужно ли уюта
На пыльных, старых полках твоих лет?
Не день, не час, — тут каждая минута
Твердит: возьми в один конец билет.

Истерзанный, надломленный, пропитый, —
Таков, тобой написанный портрет.
Так отчего же, как вода сквозь сито,
В душе сочится молодости свет?

ИВАН ЛОМАЛОВ
(г. Богородск Нижегородская область)

ПОМНИШЬ

Помнишь, стая сизых голубей
В синем небе таяла кругами?
Я был нежен, ты была грубой —
Две судьбы столкнулись берегами.

Два заряда разно-полюсных,
Притяженьем внутренним томимы,
Заблудились в запахах весны,
В пальцах рук, в движеньях пантомимы.

В пряди золотых твоих волос,
В глаз раскосость, в чмоки, ахи, охи
Я летел сто тысячько стрекоз,
Впитывая чувств переполохи.

Пояс, юбка, бантики, чулки,
Шёпот трав, раскованность движений...
Нас с тобой венчали мотыльки –
Двух соединившихся разжений.

Помнишь? — Я и ныне не забыл.
Просто так сказал, на всякий случай.
Помнишь, как архангел Гавриил
Хмурил нависающие тучи?

...Много знаю, многое имел,
А как жил — кому какое дело?
И пускай мой волос поседел,
Но зато душа помолодела.

ЗА ПЧЕЛИНА

Здравствуй, товарищ, сердцем проверенно –
Рвутся эмоции, душу задев.
Мы голосуем сегодня за Пчелина –
Почти что Ленина в узкой среде.

Капают строчки, образность выдавив,
Шёпотом губ в обезличенность чувств.
Тают мечты фантазийными видами
Словно помада оплавленных уст.

Перефразируй в Отечество Отчество.
Слышишь, издатель Пигасовых стай?
Эхом разбито пословно пророчество –
Пчелин, поэзия, Николай.

ПОЭТЕССА

Всё в этой жизни бренно и странно.
Плещутся эхом времени волны.
Нас приобщает к свету Светлана,
Красками радуги строчки наполнив;
Бликами взгляда, музыкой вздоха,
Магией творчества — скульптор и зодчий.
Вслушайтесь, люди — это эпоха
Через поэзию в вечность пророчит.
И сквозь мелодии, ноты, страницы
Льются позвучно, пословно, послёзно –
Небо в ладони радость — на лица,,
Капельки солнца утром морозным.
Выплатят зрителям
полную цену.
Связки настроены рвать микрофоны.
Как откровение — выход на сцену,
Как покаяние — к залу поклоны.
Рампами выхвачен образ хрустальный.
Занавес выгнулся старый повеса. —
Женской души и секреты, и тайны
Будет рассказывать вам поэтесса.

ЕЛЕНА МИНСКАЯ
(Нижний Новгород)

ШЕСТЬ КУСОЧКОВ САХАРА

Будильник зазвонил в семь ноль-ноль. Алинка подумала: «Еще пять секунд» — и открыла глаза. Сразу и решительно. Потому что знала — подобные переговоры с собой заканчиваются часовым глубоким сном, а оборачиваются спешкой, опозданием на эфир, выговором замдиректора Владимира и напрочь испорченным настроением. А оно, это настроение, и так было так себе. Жить далеко от дома, пусть и в мегаполисе, работать с красным дипломом музыкального училища оператором эфира на радио, и все ради чего? Ради детской мечты. Яркой, а потому навязчивой. Алинка

всегда, еще до того, как мама привела ее в музыкальную школу, знала, что будет писать песни. И она будет их исполнять. И эти песни будут петь весь мир. Почему знала, неизвестно. Но знала точно. Это и сейчас единственное, что она знает о своей жизни. Хотя нет, знает еще одно. Абсолютно и точно. То, что каждое утро будильник звонит в семь ноль-ноль. Через час она уже привычно нажимала кнопки пульта, «выводя» и «уводя» рекламные сообщения. Задорные и многообещающие. Но в рекламу мечтательная гитаристка не верила. Она верила в музыку и в себя. Поэтому, как только образовалась нужная получасовая пауза между рекламными блоками, осторожно пробралась в студию. Действовать надо быстро, потому что по внутреннему распорядку она обязана находиться на рабочем месте у пульта, а в студии — как раз наоборот — не имеет права. Но риск того стоил — за год работы на радио Алинка уже записала десять песен, а этого хватит на целый демодиск...

***

Запах кофе, ванили и пирожных ворвался в нос, да так там и остался. Женька сидел, склонив свою рыжую голову над листками нотной бумаги.

— Вот, — Алинка торжественно протянула диск, почти влетев в кафе.

— И чо? На флешку не смогла сбросить, что ли? Кто сейчас эти «блины» крутит?

— Женькаааа, ну как же ты не понимаешь! Это же наш первый альбом! А хочу им любоваться, трогать, вертеть в руках и двадцать тысяч раз загружать в магнитофон. Понимаешь?

— Понимаю, — вздохнул клавишник. — Я заказал тебе капучино с двойным ванильным сиропом.

— А сахар?

— Обижает! Как всегда — шесть!

— Только никому не давай слушать этот диск, ладно? Пусть это будет наш секрет.

***

В маршрутке пахло клубникой, и от этого запаха автоосвежителя почему-то сразу захотелось домой, к маме. Есть все подряд ягоды прямо с грядки, нырять в озеро, щуриться на солнце и сочинять музыку. Музыка! Алинка сразу ее узнала, этот была ее песня. Подышав глубоко и ровно, как учили на уроках физкультуры, взяла телефон и нажала в списке контактов «Женька».

— Ты помнишь, мы с тобой говорили про наш секрет?

— Ну да, и чо?

— А то, что я сейчас только что свои песни слышала в автобусе.

...Предательпредательпредательпреда... Эту бесконечную мысль преврал другой телефонный звонок. Позвонил «замдиректора» Владимир,

сказав, что завтра с девять ноль-ноль вместе с генеральным директором он ждет ее для разговора. Серьезного и неприятного.

***

— Ну и что мы имеем на руках? — монотонно говорил «замдиректора». Неоднократные опоздания, уходы с рабочего места, ухудшение качества эфира и как следствие — потерю ключевых рекламодателей. Далее — случай с песнями, которые мы внимательно прослушали. Это служебное преступление, Алина. Вы хоть понимаете, что вы, несанкционированно использовав дорогостоящее оборудование радиостанции, создали коммерческий продукт. И видимо, вполне успешный — у ваших песен более тысячи прослушиваний в день. Это финансовое преступление, уважаемая Алина. И вы должны быть уволены... А вот со статьей или без...

Ну и ладно. Алинка, не умевшая подолгу расстраиваться, решила поправить настроение в своем любимом кафе. Выпить большое капучино с шестью кусками сахара и подумать, как дальше жить.

***

— Ой, Алиночка, рыбка моя, это я, я во всем виновата, — громогласно оповещая все кафе, начала извинительную тираду Анастасия, девушка Жени. — Я как твои песни услышала — сразу поняла — это тренд. Ну, и не удержалась, разместила во всех соцсетях. Я же не знала, что это будет такая «бомба». Представляешь, сколько у меня сейчас лайков? Зайка моя, я виноватая-превиноватая, и я готова искупить свою вину. Прямо сейчас. Вот если хочешь, прямо сейчас позвоню своему знакомому музыкальному продюсеру. Зовут Егор. Он как твои песни услышал, завалил меня письмами, все хочет с тобой познакомиться.

И Настя сразу, без паузы, начала набирать номер загадочного Егора...

***

Будильник зазвенел в семь ноль-ноль. «Семь. В 8.30 ребята ждут меня у радиостанции. А в 9.00 меня уволят», — подумала Алинка и открыла глаза. Медленно, очень медленно выпила кофе в шесть кусками сахара.

...Рядом с радиостанцией ее уже ждали Женька, Настя и Егор.

— Ну как, как ты, Рыбка моя? Ты только держись, ты лучшая, а они вообще ничего в звездах не понимают. Так что подписывай сразу и все, и идем в кафе, отмечать твою свободу.

... Если бы «замдиректора» был чайником, он бы пыхтел и сиял:

— Ну и... что же вы стоите, уважаемая Алина, проходите, садитесь.

Она спокойно прошла. Медленно села. Замерла.

— Алина, — торжественно провозгласил Вовчик. — Мы за эти две недели всесторонне изучили произошедшую ситуацию, и я делаю вам следующее предложение. Во-первых, вы становитесь музыкальным

редактором радиостанции. Во-вторых, вы пользуетесь звукозаписывающей студией. А условие мое очень простое: все ваши песни, перед тем как пойти по другим каналам, должны не менее семи календарных дней звучать здесь, на моем радио. Вам нужно время, чтобы подумать, или подпишем договор сейчас?

— Сейчас, — почему-то ответила гитаристка, хотя и знала, что уважающие себя люди обязательно отвечают, что подумают над предложением, каким бы оно ни было выгодным. Быстро подписав восемь листков и заверив, что приступит к обязанностям завтра, в девять ноль-ноль, гитаристка выскочила на улицу.

— Ну как? — почти одновременно выкрикнули Женька, Настя и Егор.

— Ребята, как же я вас люблю! — крикнула изо всех сил Алинка и кинулась к ним.

Как же она любит и музыку, и предателя Женьку, и всех-всех-всех! И жить, жить тоже почему-то очень любит. Тревожно и невпопад, безбашенно и весело, взаправду и сочно. Ну и пусть, что неизвестно, что будет дальше. Точно будут Женька, Настя, Егор. Ну, и будильник зазвенит в семь ноль-ноль. Точно!

ЗУЛЬФИЯ АЛЬКАЕВА

(Москва)

Еще одна выкуренная мысль
затрепетала в пепельнице
за соседним столиком.

Ни сосед, ни мой спутник, ни официант —
— только я наблюдаю за ее концом.

Наверное, мне же предстоит увидеть,
как растет табак,
учув первый запах тлена.

МЕТЕЛЬ

Дать волю лошадям — назад помчат,
Рассею-матерь к станции воротят,
в метельной кутерьме спасут волчат,
которых дед Мазай в зайчата прочит.

Сложить Москву — пройдет, ветрищам дать
побаловать кнутами холостыми...
Негоже с козел ямщика снимать
С его, и только, правдами простыми!

***

Облака воткнулись в стаю
И зима. А я не таю.
Прутиком одним рисую
На снегу и на песке.
Я рисую взлет и лопасть.
Не смотри, что это пропасть.
Это пропасть не для падать —
Для обратного пике.
Можно праздничать без света
Независимо от лета.
Можно и влетать без стука,
Если кто тебя не звал.
Кто пришел, тому и лишку.
Кто дерзнул, тот и мальчишка.
Крылья ночи — промельк жизни,
Черно-белый карнавал.

***

Надеяться брось оправдаться слезами!
Никто не измерит в них соль.
Ходи исключительно дремучими лесами.
Постель твою кинули на антресоль.

Как мул, упрись, наплевав на повозку.
Как Мунк, нарисуй в сотый раз свой "Крик"!
Из плоской тоски вынимая клик,
зашей в нее песен дорожных горстку!

И еще.
Подержи за пазухой птицу.
Пусть думают,
что это камень.

ЕВГЕНИЙ ЧИРИКОВ

«ХРАМ НЕЗРИМЫЙ»

При впадении Суры в Волгу там, где правые гористые берега этих огромных рек связываются в один высочайший узел, стоит городок Васильсурск. Внизу под горой пароходные пристани и две-три улицы, опоясывающие самую гору, а городок ползёт всё выше и выше выглядывая из сплошной зелени садов своими крышами и прячется на горном плоскогорье, на самой вершине. Оттуда — изумительная панорама во все стороны! И Волга, и Сура сверкают огромными, уползающими в синеву лесов и гор, змеями. По красоте своей это место может равняться разве только с любимым местом отдыха писателя Чехова и покойного художника Левитана — с городком Плёсом, расположенном в верхнем плёсе Волги между Костромой и Ярославем. Во дни юности я каждое лето бродил по Волге. Приманивали меня обыкновенно такие места, где можно хорошо поохотиться с ружьём и порыбачить. В этом отношении городок Васильсурск давал богатейшие перспективы: луговое Заволжье и долина Суры с лесными озёрами издалека приманивали страстных любителей охоты и рыбной ловли. Тут были такие просторы, что можно было целое лето блуждать и всё-таки не побывать во всех заповедных местах. Конечно, такие путешествия налегке охотники не могли совершать без проводников, хорошо знавших все пути и перепутья, все тропинки, приметы, перелазочки: места глухие, леса огромные, болота топкие. И всякой нечистью полны: и лешие, и лешахи, и кикиморы, и разная погань хвостатая. Бывали случаи: пропадали заезжие охотники без провожатых. Уйдёт и, конечно, поминай, как звали! Был и у меня свой провожатый. Я сдружился с рыбаком, круглое лето кочевавшим по озёрам. Интересный тип первобытного поэта, питавшего свою утробу случайно пойманною рыбою, а душу прекрасными сказками земли и неба. Рыбу он продавал редко, только в тех случаях, когда являлась крайняя нужда в деньгах, а большею частью только сам ею кормился. Это был рыбак по страсти, а не промысловый. Называл себя Митрофаном и напоминал отшельника, отрэкшегося от мирской суеты. Старик лет 65 крепкий, мускулистый и зоркий, иконописного вида, с жёлтым пергаментным лицом с редкими правильными морщинами. Словно грубо написанный Никола Угодник. Вот этот-то Митрофан и взял меня под своё покровительство.

Я с ружьём и собакой, он с топором, удочками и намоткой за плечами, мы уплывали в лодочке по Суре, подальше от городка, заплывали в узкую, камышом поросшую речонку и, спрятав в осоке лодочку, углублялись в леса и болота, пробираясь тропинками — змейками выощимися — к озёрам. Митрофан устраивался на берегу под дубами, сооружая шалаш из ветвей и осоки, ловил окуней, шук и карасей, варил уху, словом, вёл всё осёдлое хозяйство, а я бродил вокруг озера с собакой и постреливал уток, дупелей и бекасов до самых сумерек, когда подбрасываемая Митрофаном горящая головёшка к небу возвещала мне о призыве сотоварища. Огненные кометы Митрофаном намечали во тьме наше место стоянки, и мы с собакой возвращались по этим знаменям, как мореплаватели по компасу.

— Эге, дай-ка пару чирят, в грязи обжарим! После ухи-то жареного поедим... — встречал меня Митрофан.

Я обсушивался и грелся у костра. Митрофан ощипывал птицу, густо обволакивал её болотной глиной и грязью и бросал её в огонь. Потом мы ужинали, укладывались в шалаш в ворох осоки. Тихо, медленно ползли над рекой туманы, серебрясь под луною над лесом, а трепещущий красным пламенем костёр рождал в них призраки разных чудовищ, настраивая душу ко всему таинственному и чудесному. Вот тут и начинались, обыкновенно, наши разговоры и, конечно, на эту самую тему. Тут я услышал и легенду про «Храм незримый». Дело было в начале июля, в ту пору тихих и задумчивых ночей, когда кажется, что вся земля спит и грезит сладкими снами любви и ласки. В безмолвии земного сна просыпается всякая нечисть и пугает всякими страшными звуками и шорохами. Собака, тревожно вытаскивая свою морду из брюха и устремляя взоры в темноту, начинает ворчать... Я берусь за ружьё, а Митрофан не трогается с места и только спокойно осеняет себя крестным знаменем.

— Оставь, перекрестись и спи... Некому тут... а если кто есть, так ему ничего ружьём не сделаешь... Лесачиха, либо водяница! Много всякой твари видимой и невидимой... Мы вот невидим и не слышим, а пёс чует. Нам не дано, а псу положено. Мы вот всё своим умом гордимся перед прочими тварями, а вот умом не всё увидишь и не всё почувствуешь... Раньше людям больше было дано: много духовными очами прозревали, а теперь завязли во грехах: ослепли и оглохли! И какой, говорят, Бог, кто его видал? А того не понимаю, что не всем, не всё дано видеть... Про Храм незримый слышал?

— Нет... Где же такой находится?

— На Керженце бывал?

— Бывал. На Светлом озере был...

— Светлое озеро знаешь. А есть в той же стороне другое озеро. Нестяр называется. Так там около этого озера... Храм во имя святого блаженного заступника града нашего преподобного и богоносного Василия!

— Что ж видел ты этот Храм?

— Как же его увидеть, когда он незримый? Были люди в старое время, которые действительно устаивались. Так они в святости жили, божьими угодниками жизнь свою на землю приносили. . . Вот и Град Невидимый теперь уже никто не видит давно. Есть, которые звоны колокольные устаиваются услышать, так и так с каждым годом всё меньше! Веры настоящей теперь в людях нет. Ну и чудес Божьих не видят и не слышат. Теперь нечисть людям больше показывается, а святость — заперта. А только память остаётся про Храм этот. Я мальчишкой от своего деда слышал. Много он про разные чудеса знал. Сказывали мне, что он желал из меня Божьего человека сделать, то есть в монастырь на веки отдать, — потому и назвал меня Митрофаном. А вот не вышло. Так вот он как сказывал: ежели, говорит, человек во весь Великий пост только три фунта хлеба примет да ведро воды, то такое духовное прозрение получает на глаза и на уши, что под Светлую Заутреню может увидеть тот Храм незримый на озере Нестяре! И доказывал так, что его даже дед, то есть мой прадед, удостоился. Прадед-то тоже Митрофаном звался, меня-то в его честь тоже Митрофаном окрестили.

— Ну что же он видел?

— Пошёл под светлый праздник с котомочкой дня на четыре, а вернулся на Фоминой и лик, дескать, имел просветлённый и радостный и в радости, дескать, рассказал: хожу, говорит, я вокруг озера в водах весенних, утопаю — ищу место свято, а узнать не могу. Конечно, бывал летом, а тут только снега сбежали по оврагам ещё сугробы. И вот, говорит, силы больше не стало в ногах. Прямо ложись, где стоишь! Вот он выбрался на бугорок, где посуше и прилёг. А было как раз под Заутреню. Долго ли спал — не помнит. А надо думать, что до самой Заутрени. Только это над лесом как бы сияние какое загорело. Ночь тёмная, а над лесом как бы зорька золотая или огненное облачко. На той стороне леса это видение самое. И вот, братец мой, смотрит он и видит, как в лесу возле озера огни загорелись. Перекрестился и уставился: всматривается это и зрит, что окошки светятся, как, стало быть, в церкви, которая высоко. Сперва подумал, не звёзды ли через лес? А тут и стало ясно — и крест засиял и купола обозначились. И слышит он вдруг удар колокола! Значит, к Заутрене ударили! Но только он от этого звона в беспамятство впал. Такой удар по лесу пришёлся, что вся земля под ним точно вздрогнула и зачалась! А в себя пришёл уже на свету и помнит только, как бы во сне что и пение слышал. . . Говорит, что никогда не слышал такого пения. А везде бывал: и в Москве, и в Киеве, и в разных святых местах. . . Так в радостях с улыбкой и скончался!

— А, может быть, просто заснул, и сон ему приснился?

— Да вот что-то нам с тобой такое не снится. . . Надо, братец, крепко верить, тогда и святое увидишь, жить надо праведно по Христовым законам. А мы как живём? Вот то-то и оно-то!

— Откуда же этот Храм незримый на озере взялся? Кто его там построил? Или нерукотворный?

— Рукотворный! Самый подлинный во имя Василия Блаженного, защитника нашего града. Раньше Храм этот в нашем городе стоял. И теперь место, где Храм был, мне известно. Теперь там у нас кладбище. Пристанище вечное для людей, странников на земле. На кладбище бывал?

— Нет.

— Сходи! Как не побывать на таком месте?

— Так как же этот Храм на озере очутился?

— А вот тут-то оно и самое чудо Божье! Так сказывают, как царь Иван грозный стал к Казани подбираться, он по Волге начал свои крепости от татар ставить. Выберет, значит, место повыше, чтоб и видать подальше было и неприступнее для неприятеля и сейчас — стены дубовые, рвы и воинство. А неприятеля было кругом сколько угодно. Все эти наши места между Сурой и Волгой, и Ветлугой и туда, к Вятскому краю были в руках черемисы, чувашей, мордвы и всякой нехристи. А с низов Волги татарва. Вот в те поры и зачался наш городок. А почему он «Василь-Сурск» окрещён? Около Суры первое, а второе во имя первого Храма Божьего среди здешней языческой стороны, Храма Василия Блаженного. . . И вот пришли смутные времена. Царство русское помутилось, расстрига монах объявился, убиенным царевичем Дмитрием назвался: так и так, а желаю быть русским царем. А на нашем престоле царском в те поры никого не оказалось. Должность, значит, открылась! А поляк себе в башку взял, чтобы через свою королеву всю Россию к своим рукам прибрать. Собрали войско, кавалерию, артиллерию и всё, как следует и повели Гришку-расстригу с его полькой на престол, царевичем русским сажать. В народе смута пошла: одни желают царевича Дмитрия, призывают, а другие не желают и не призывают. А полька старается скорее на престол сесть и торопит на Москву. И шлют по всем городам скороходов — народ на свою сторону переманивать, всякие поблажки сулят: земля, дескать, барская будет ваша, ежели Гришку с полькой на престол посадите! Пришли скороходы и в наш город. Так и так говорят, объявляйте Гришку царём-императором, а польку — царицей! Собрался народ вокруг Храма Божьего, обедню прослушали православные, а потом стали совет держать. Однако согласья не вышло: и тут одни за Гришку с полькой, другие за царя православного и царицу свою, то есть русскую и православную. Видят скороходы, что ничего не выходит, они постращали и ушли. Стали по черемисам, чувашам и всякой нехристи ходить и на свою сторону переманивать. А тем всё единственно, кто на русский престол сядет, и только они все злобу против царя Московского затаили: потому покорил он под «нози своя». Ну, вот. . . хорошо. Покуда в городе ссоры да перебранки идут, собирается нехристи со всех сторон: и черемисы, и мордва, и чуваша, и татары. Несметные полчища этой самой погани под ноги царя русского покорённой. Все от-

делиться от царя русского желают и опять своих царей поставить и веру православную изничтожить. Как полез звонарь на колокольню к ранней обедне звонить, видит вокруг города тучи этого самого нехристья! Позвонил и к настоятелю: так и так говорит, нехристь со всех сторон на город идёт. А уж по городу слух пошёл и народ в смятении. Что против такой силы сделаешь? А у нашего воеводы и войска всего сорок человек. Колокол к обедне звонит, и народ про Бога забыл. Только воевода да его дружина в сорок человек обедню прослушали и ко кресту приложились. Вышли они это с попом к народу, а тут соблазн полный от страху смертельного, все на Гришкину сторону передались, требуют, чтобы городские ворота отперли и нехристей с хлебом-солью встретили. Как не отговаривал поп веры православной не отдавать на поругание. Кричат: «иди сражайся, а мы не желаем!» Старенький поп, седенький, чуть ходил. Но веру имел крепкую. Таких попов теперь нет уже, чтоб за Христа жизнь положить, а тогда были такие... «Православные! — говорит это он народу — помолимся Господу и встретим врага, как подобает постоем за Русь православную!» А народ около храма озлобился. «А где оружие? Палками, палками, что ли нам сражаться? А поп опять поднял крест и говорит: «Сим победиши» Ну, его на смех подняли маловерные, иди, дескать, тогда один, потому тебе со крестом нечего бояться. Однако воевода и сорок воинов вышли и заявили согласие за веру и за царя русского свой живот положить, а на Гришку с полькой и их нехристи не покориться. Ну их тоже на смех подняли: сорок человек против силы многотысячной. И вот поп повёл воеводу в храм со дружиной в Храм Василия Блаженного, всех исповедовал, отпущение грехов дал и причастил. и сам причастился, а потом молебствие отслужил перед образом Василия Блаженного и навстречу врагу из ворот вышли. И вот тут на глазах народа чудо свершилось: началось это сражение, и вся нехристь тронулась и тысячами прочь побежала. А воевода и сорок воинов за ними: где пройдут — враги кучами остаются. А поп на колокольне стоит и крестом поле битвы осеняет. Вся нечисть от города отхлынула в превеликом ужасе и смятении, а воевода и сорок воинов мордву и черемсу с собой привели! Маловерный народ смотрит и своим глазам не верит. Думает, что-нибудь не так, обман, хитрость лукавого врага: опять, дескать, вернётся и от града только пыль, пепел останутся, и боится народ радоваться и показывать перед пленной нехристью, что победа ему приятна. Поп к молебну звонит, а народ не идёт. Опять только воевода и сорок воинов Василию Блаженному молятся. Даже военная нехристь перед нашим Господом смирилась и пожелала нашим святыням поклониться... Да! А маловерные люди веры православной толкуются, а молиться не идут... Как стал к иконам Василия Блаженного прикладываться, дошла очередь до нехристи опять чудеса, который не подойдёт, увидит лик Преподобного и в ужас отпрянет. А которые прямо в беспомыслие падают. Что за такое? Вот и стали их расспрашивать по-

том, почему они лика того не вынесли? А те и говорят: признали мы в том лике того монаха, который на белом коне впереди вашей дружины скакал и поражал нас тысячами. Вот от этого монаха на белом коне и пришла вся нехристь в ужас и смятение! Значит, сам преподобный и богоносный Василий за веру православную вступился и воеводу и сорок праведных мужей охранял! Однако Господь прогневался на маловерных городских жителей и не пожелал Василий Блаженный городу нашему маловерному покровительствовать... Икона чудотворная святого Василия, и сам храм, во имя его поставленный, ушли из нашего города!

— Каким же это образом? Как случилось?

— А вот послушай, пошли это настоятель со всем духовенством и с воинством под гору, к Волге воду святить, только вышли из храма с крестом и хоругвями и запели, а впереди на воздушях чудотворная икона появилась и как будто плывёт или летит неторопливо, чтобы крестный ход поспевал. А как оглянулись: видят и сам храм позади плывёт за ними. Народ маловерный от ужаса весь попадал и остался по дороге. До Волги дошли только отцы духовные и воевода с сорока воинами. А как подошли к Волге, она, матушка, разверзлась на две стороны и чудотворный образ за Волгу поплыл на воздухе. Знамение, значит, куда идти. Сверху Волга стеной встала, а снизу досуха стекла и чистые золотые пески открыла... И с тех пор на этом месте всегда мель перекатная... И сейчас перекает... чуть только пароходы летом проходят. А тогда прямо дно открылось! И прошёл по дну крестный ход за Волгу в леса Керженские. И туда же со звоном колокольным храм наш скрылся... Леса были дремучие, не проходимые и во тех лесах исчез он следом за шествием... Много нехристи тогда уверовало и всех их в честь Василия Блаженного Василиями назвали. Вот поэтому и теперь всех чуваш у нас Василиями Ивановичами называют! Другого они не так крестили, а он: крикни ему «Василь Иванович!» — сейчас же обернётся и поймёт, что это его кличут.

— Ну, и как было с храмом?

— А было так, как двигалась икона, так и люди шли за ней. И вот как дошли до озера Нестьяра тут икона и остановилась. Смотрят и сам храм Божий на бугре появился и встал, точно его неведомо кто давно тут построил.. Остановился, двери раскрылись, икона сама

в церковь вошла и на своём старом месте очутилась, а с колокольни по всему лесу праздничный перезвон разлился... Вошли все люди в храм и сокрылся он вдруг, незримым сделался!

— А как же узнали, что он именно тут остановился?

— А видение преподобному Макарию было, когда он по лесам Нижегородским скитался... От него и узнали. А потом были случаи, когда и другие праведной жизни люди храм тот лицезрели. Прадед-то мой Митрофаный видел, как я тебе объяснил, под Святую Заутреню... Я ходил тоже, но только не удостоился. Где уж нам? Во грехах живём, грехом

подпоясываемся... Нам вот нечисть поганая кажется часто, а святыня... она для нас теперь незримая. Сказывают, что когда на Руси люди опомнятся и по заветам Христа станут жить, тогда храм опять откроется и все праведники, в нём сокрывшиеся, живы окажутся... Только мы-то с тобой не доживём. Не приметно, чтоб люди чище делались, а так оно заметно, будто год от году — хуже! Кривда-то Правду переспорила, и ушла Правда-то на небеса к своему Христу, Богу нашему! А Кривда-то пошла по всей земле и от Кривды вся земля наша всколебалась! Так поётся в стихе божественном. Оно и верно, брат!

Собака подняла морду, посмотрела в темноту ночи, втянула воздух носом и заворчала.

— Чует что-то... Погань какую-нибудь... О, Господи милостивый! Спать пора...

Старик повернулся спиной и замолчал... Тихо плыла ночь над озёрами. Рассеялись туманы, и в зеркальной глади озера, засверкали отражения звёзд.

ПРАГА 1921.

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главного редактора 3

НАТАЛЬЯ ЧИСТЯКОВА

Дар 6
Воспоминание 6
Ветер летний 7
Городок военный 7

АЛЕКСАНДР СИЗОВ

Версия Нострадамуса или убийство в сезон мутаций (часть 2) ... 8

ЮРИЙ ПРОНИН

«Я это выдумал, мне это снится...» 68
«Замри на миг, молчаньем перезрелый...» 69

ИВАН ЛОМАЛОВ

Помнишь 69
За Пчелина 70
Поэтесса 71

ЕЛЕНА МИНСКАЯ

Шесть кусочков сахара 71

ЗУЛЬФИЯ АЛЬКАЕВА

Еще одна выкуренная мысль 74
«Облака воткнулись в стаю...» 75
«Надеяться брось оправдаться слезами!..» 75

ЕВГЕНИЙ ЧИРИКОВ

«Храм незримый» 76

Литературно-художественное издание

ТРЕТЬЯ СТОЛИЦА

АЛЬМАНАХ

Главный редактор: Светлана Леонтьева

Редактор: Николай Пчелин

Редколлегия: Константин Казаков,
Михаил Садовский, Сергей Ерохин

Верстка: Сергей Ерохин

Отпечатано в типографии «Вариант».
Нижегородская область, г. Богородск
тел. (83170) 2-49-09
моб. 8-910-874-52-44